

Таня Некрасова

„Антарес“

магическая академия

Книга 2. Игла Хроноса

Таня Некрасова

Магическая Академия
«Антарес». Книга 2

«Автор»

2026

Некрасова Т.

Магическая Академия «Антарес». Книга 2 / Т. Некрасова —
«Автор», 2026

Учёбу Маргариты Фроловой в Королевской Академии «Антарес» омрачило событие, укрепившее взаимную ненависть учащихся и прислуги. Трудно идти по пути света и добра, когда кто-угодно может оказаться предателем. Но Маргарита попытается, а помогут ей в этом — загадочная горничная Акки, бесстрашная Чара с боевого факультета и могущественный чародей мастер Дорен с демоном бедствий в качестве питомца.

Содержание

Глава 1. Прислуга	5
Глава 2. Без вины виноватый	9
Глава 3. Круг Фей	14
Глава 4. Дверь, которой не было	20
Глава 5. Хижина	26
Глава 6. Кто отведёт взгляд от правды, тому глаза застелет ложь	32
Глава 7. Защита	37
Глава 8. Ее Высочество	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Таня Некрасова

Магическая Академия «Антарес». Книга 2

Глава 1. Прислуга

Кухня гудела возбуждёнными разговорами прислуги, звоном посуды и журчанием котлов. Каменные печи пыхтели и фырчали. Руки сероволосого юноши, растительности на которых было больше, чем полагалось иметь в его возрасте, напрягались жилками и разбухали венами, активно орудуя складным кожухом, чтобы раздуть угли. Парадоксально то, что графичные скулы и подбородок — волевые и мужественные — не поросли ни единым лишним волоском.

— А ну, Тоби, отодвинься! — манерно пропела химера и, вильнув тремя пушистыми хвостами, затмевающими яркостью пламень, бросила что-то из кулака в печь. Снопы искр посыпались на Тоби, и тот, беспокоясь, что огонь задержится на его кудрях и рубашке, принялся отряхиваться.

Кофейные глаза под низко-посаженными мохнатыми бровями злобно сверкнули на девушку-лисицу. По-собачьи растопылив мохнатые уши, Тоби прорычал:

— Что б тебя, Лика! Опять ты со своими магическими штуками! Акки ошпишет тебе все твои хвосты, если узнаёт, что ты нарушаешь её правила.

Лика заулыбалась:

— Ах, мой славный ворчливый волчонок! — Она кокетливо оперлась бедром о столешницу, обнимая себя под грудью. — Как же ты боишься госпожу горничную!

— Не Акки я боюсь, а магию. Не для нас она, понимаешь?

— Когда мы стали химерами, магия проникла в наши тела. Так что, поздновато её отвергать. Мы теперь магические существа, хочешь ты того или нет.

Так и сидя на полу, Тоби протер лицо ладонями и сделался на вид ещё несчастнее и краснее.

— Мы скорее похожи на магические инструменты: сами колдовать не умеем, зато какие-нибудь глупые чародеи будут рады нами воспользоваться. Унизительнее не придумаешь!

— А вот я себе такой даже больше люблю! — спесиво хихикнула Лика, тиская собственный хвост. — Хотя понятно, чего ты так бесишься, волчонок. Твой-то хвост, поди, куций. Признайся, милый, поэтому ты не выставляешь его напоказ?

— В такие моменты я жалею, что мастер Дорен излечил твою болезнь до того, как она поразила твой язык. Немая Лика мне нравилась бы больше!

— Что бы ни случилось, а наши волк и лисица всё строят друг другу глазки! — иронично ворвалась в перепалку горничная Мариса — старшая на кухне, пышная женщина с частичной наружностью рыси. Она шинковала овощи для первого блюда уже на автомате, не глядя на доску и нож, а внимание своё берегла, чтобы наблюдать за происходящим. Лика и Тоби были её любимым развлечением. — Вы бы делом занялись, пока Акки не пришла.

— Да что мне она эта Акки! — Лика обвела всех взглядом строгим и горящим, и вдруг ни с того ни с чего взорвалась: — Долго мы будем делать вид, что все в порядке?? Одну из нас убили!

Воцарилась тишина, но продлилась она до нового выкрика девушки-лисицы:

— Сегодня убили прислугу-птицу, завтра убьют ещё кого-нибудь! Вам что, жизнь не мила? Отстань, Софи! — Последнее раздраженное замечание было посвящено юной особе, приставшей к юбке горничной. Из форменного платья торчали тощие конечности в короткой чёрной шерсти. Тело Софи было поражено вирусом в большей степени, чем у других слуг Ака-

демии. Во внешности она была ближе к енотам, чем к человеку: влажный нос, тёмная «маска» вокруг глаз, круглые ушки, дрыгающие в рваной причёске. От настоящего зверька её отличали рост и явные антропоморфные пропорции.

Софи была полноценной химерой, одной из немногих, которым удалось научиться говорить с нуля.

— И что же теперь? — уныло поинтересовалась горничная Сия, чью смуглую кожу вирус изуродовал рыбьими чешуйками. Из-за своей особенности рыба в её руках не скользила — кому, как не ей, поручить потрошить карася? Этим она и была занята, когда Лика подняла волнительную для всех тему. — Устроить бойкот? Я бы с удовольствием насолила Акки, но предавать мастера Дорена...

— Согласна, — отозвалась ещё одна горничная, выглядывая из-за котла.

— Вот и я того же мнения, — вздохнул Тоби в поддержку остальных. — Да не кукси ты так мордашку, Лика. Мы же не какие-нибудь там народные мстители. Такова наша участь. Даже если это всё устроили чародеи Академии, нам своё право не отстоять. Слишком уж мелкая мы сошка для них... Не сейчас, Софи! — прикрыл он глаза — лень вгоняла его в сон.

— Но Тоби! Там такая красота! Я хочу, чтобы ты взглянул! — Софи водила полосатым хвостиком туда-сюда, надеясь, что ей удастся поставить юношу на ноги.

— Да, да, Софи, я рад за тебя! Потом погляжу на твою красоту, у меня мигрень.

— Это, наверное, от духоты. Сходи-ка ты проветришься. — порекомендовала Мариса. О, а вот и наша Аннушка вернулась!

Дергая деформированным курносый носиком, на порог приволокла тележку коренастая темнокожая девчушка.

Пытливо вертя хвостами, Лика затолкала её внутрь.

— Ну, как прошла разведка?

Ухо засыпающего под столом Тоби качнулось:

— Разведка? — разлепил он один глаз. — Какая такая разведка? И с каких это пор Анна разносит еду? Я думала, чародеи предпочитают немых официантов...

— Так и есть. Поэтому Акки об этом ни слова! — насупила Лика на того брови. — Мне нужна информация, которую не смогут предоставить наши безголосые официанты. Ну же, Анна, рассказывай, что ты узнала?

— Во-первых! — Анна посмотрела на неё круглыми глазами, повесив мышинные уши.

— Да?

— Я узнала, что наша Академия жуть, какая большая! Я сегодня впервые ездила на лифте. Было так страшно! — Анна закончила фразу слезливым стоном.

— Так, а что с Кассандрой?

— Она поругала меня за то, что я долго доставляла её обед, а когда я извинилась, возмутилась, какое право я вообще имею открывать рот в её присутствии...

— Да нет же, Анна! Что ты выведала о Кассандре?

— Я уверена, Кассандра не причастна к убийству прислуги-птицы.

— Вы подозревали Кассандру? — усмехнулся Тоби.

— А что? Я уверена — если она не убила ее своими руками, то наверняка замешана в этом косвенно! — стояла на своём Лика. — Её папаша ближайший представитель короля, она ненавидит простолюдинов и ей все сходит с рук. Какие еще доказательства вам нужны? Или вы, правда, думаете, что убийца пришёл откуда-то извне? Вы сомневаетесь в силе барьера мастера Дорена? Кроме того, Тодороко заметил бы, попади чужак на территорию Академии. Руководствуясь логикой, могу заявить — убийца кто-то из «наших».

— Я тоже так считаю, — грустно уронила Анна. — Но леди Клариси здесь не причём. Она также напугана, как и все мы. Уж страх ото лжи я распознать сумею.

— Что она сказала?

— Сказала, что мы дескре... дискриде... В общем, она считает, что убийство... — Анна сделала глубокий вдох и процитировала на одном дыхании: — «...ваших грязных лап дело. Вы все ничтожные животные, которые без зазрения совести готовы перерезать друг друга. Нет ничего проще, чем выставить убийцами чародеев, потому что вы такие бедные несчастные, и все вас обижают».

Кончики хвостов Лики завибрировали:

— Я тебе не верю, Анна! Ты не разбираешься в чародеях! Всё, решено, ужин в комнату Кассандры понесу я!

— Не помню, чтобы я передавала кому-то свой пост главной горничной.

— Госпожа Акки!

Прислуга возобновила возню, забарабанила ножами по разделочным доскам. Чем ближе подходила к ним Акки, тем ниже пригибались их головы. Кусая губу, Анна притворилась, что пересчитывает посуду. Тоби отвернулся к печи, будто занят огнем. Лика тоже поначалу встрепенулась, выдумывая, куда бы себя приткнуть. Прежде, чем она сделала шаг, ее настиг упрек:

— Лика, подвяжи волосы!

— Да, госпожа! — Послушно потупившись, химера несколько раз продела свою рыжую копну через атласную резинку, слушая, как Акки отчитывает ее коллег.

— Мариса, хочешь, чтобы кто-нибудь из учеников подавился?

— Нет, госпожа, не хочу! — вздрогнула та под укоризненным взглядом маленькой горничной.

— Тогда, будь добра, резать овощи помельче!

— Как прикажете, госпожа!

— А ты... собрался спалить Академию?

— Нет, нет, госпожа, Акки! — никак не мог раскачаться ото сна Тоби. Сам не зная зачем, он подкинул углей уже и без того безумствующему пламени, и был свален взрывом всполохнувших остатков зачарованных щепок Лики. Повезло, что Акки подумала на нердивость Тоби, а не на магию.

— Иди, умойся... — сказала она, с сожалением глядя на обгоревшего юношу, нелепо рассевшегося на полу, — глядя сверху вниз, что было не привычным для нее ракурсом, так как обычно это ей приходилось задирать голову при общении с другими людьми. — Мне кажется, или здесь честно трудится одна Софи? Берите с нее пример!

Софи стояла на табурете и тянула шею, высматривая пейзаж за окном, который закрывала от нее гора жирной посуды, и не было той ни конца ни края: на каждую помытую тарелку Анна подбавит еще дюжину. Привыкнуть к этому конвейеру невозможно, если только в тебе не течет кровь енота-полоскуна.

— Ну да, конечно... — буркнул Тоби и трусливо заторопился в направлении дальней раковины, пока, чего доброго, не доболтался до наказания.

Неудовольствие Акки делами кухни и своими подданными было делом обыденным, она не стеснялась ставить прислугу в угол как малых детей или лишать тех сладких воскресных угощений, которые специально пекла в качестве «премиальных».

Лика не стерпела:

— И как долго это будет продолжаться?

Акки замкнула пальцы за поясницей:

— О чем ты?

— Где мастер Дорен? Вам известно, кто убил прислугу-птицу? По-вашему, мы можем спокойно работать, когда по Академии бродит, безнаказанным, убийца?! — Лисьи хвосты взвились за спиной химеры, будто клубы огня. Жажда разъяснений, Лика мятежно распустила волосы, и те распались жаркой рыжиной по черным рукавам. Швабра у стены — первое, до чего дотянулись ее коготки — с грохотом упала поперек дороги, заграждая Акки выход.

Проникнувшись смелостью Лики, другие горничные, робко кивнув друг другу, оставили работу и стали кучкой.

— Что ж, я догадывалась, что до этого дойдет, — осмотрелась по сторонам главная горничная.

— Простите, Акки! — вступила Мариса. — Но Лика права. Возможно, сегодняшний ужин будет есть убийца. Как представишь, что готовишь для него, так плохо становится!

— Я все понимаю, вам не стоит волноваться, мы ищем преступника и, уверяю вас, скоро его найдем. — Хотя это была спланированная ложь, прозвучала она неубедительно. С тех пор, как мастер Дорен ушел с мертвой химерой на руках, вестей от него не приходило. На сообщения Тодороко он не отвечал. Сейчас Акки обуреваемый страхом больший, чем тот, из-за которого из-под трясущихся ножей выходили уродливые куски. Она чувствовала, как давит на нее ответственность, которой у нее как у горничной, вообще не должно быть! Без магии, в одиночестве, защитить Академию? «Ох, Луис, твой учитель бы так не поступил, — крутились у нее в голове злые мысли. — Ничему ты так у него и не научился!»

— Со всем уважением, — подхватила Сия, перебивая молчание Акки и бросая неразделанную рыбу тушу на стол, — передайте мастеру Дорену, что мы не будем работать, пока он не гарантирует нам безопасность!

Голоса со всех углов кухни вторили в едином убеждении.

— Да!

— Скажите ему об этом!

— Согласна!

Громкой уверенности им прибавляло то, что перчатка Акки с начала протеста до сей поры не трансформировалась во что-нибудь грозное. А это — признак проявления слабости.

— Я так понимаю, в это воскресенье пряники получит только Софи, — досадно вздохнула главная горничная, оглябая шепчущуюся толпу, чтобы одарить девочку-енота персональной похвалой.

Лику задевало за живое, что Софи отделилась от группы. Неужели обиделась за то, что они проигнорировали ее очередную фантазию?

— Софи! — твердо позвала она на случай, если девочка была сама у себя на уме — с ней, порой, такое бывало. Богатое воображение или последствие перенесенной мутации — так или иначе, всерьез ее не воспринимала даже Акки. — Ты с нами?

— На что ты там уставилась? — заметила странность Мариса, и за ней, посмотреть, в чем дело, подтянулись все остальные.

— Ничего себе!

— Как красиво!

— Что это?

— Ух, ты!

Из-за своего роста Акки не могла к ним присоединиться.

— Софи, позволь...

— Там такая красота! — повторила Софи уже в который раз. Счастливая, она спрыгнула с табурета, чтобы на ее место могла встать главная горничная.

Акки сняла верхушку посуды и побледнела. Зрелище было завораживающим: верхние слои атмосферы сверкали синими, фиолетовыми, пурпурными огнями, пульсируя и меняясь на глазах, перемещаясь по небу, искря оттенками сапфира на фоне медного солнца.

— Это не к добру, — произнес ее обеспокоенный голос среди восторженных восклицаний.

Глава 2. Без вины виноватый

Маргарита лежала на верхнем ярусе кровати, отвернувшись от света к тенистой стене, где замер в голодном ожидании добычи паук. Под одеялом, как в коконе паутины, она чувствовала себя пустой, маленькой и незащищенной.

Заколка Невила, что держала ее онемевшая рука, была неопровержимым доказательством реальности трагедии.

Бесцветное перо химеры так и разило аурой смерти. После того, как тело похоронят, оно станет единственным свидетельством ее существования в этом мире.

Внизу, за учебой, притихла Агата. Она шелестела страницами учебника и иногда увлеченно бубнила что-то о смесях трав, специфике ядовитых растений и пропорциях лекарственных зелий, магических поражениях тела и всякой анатомической пакости, что включает в себя компетенция профессии ведьмы.

Ее бормотание мешало Фине забыться дремой.

— Почему не несут ужин? — заворочалась она наверху.

Агата отложила книгу и подняла взор на вмятое в подушку лицо соседки. Красные стрелки размазались и вместо того, чтобы подчеркивать лукавый разрез вишневых глаз, подкрашивали синяки под ними. Окутанная складками широкого рукава рубашки, налитая венами жилистая рука в короткой черной перчатке свесилась с кровати. Следом из-под одеяла выбилась босая пятка.

— Ты права. Горничные запаздывают...

На самом деле Агата уже давно задалась тем же вопросом, что и Фина — и совсем не из-за голода. Зубрежка сложных терминов — отлично отводит тревогу. К сожалению, как у опытных чтецов, так и у профессиональных заучек есть свой предел. Лучше всего он ощущается в поражённых близорукостью глазах.

Агата помассировала веки под круглыми очками, проявив некоторое раздражение — оно вышло из нее почти беззвучно, похоже на скованное чувство в горле. Кровать скрипнула, ведьма наклонилась над стопками книг и стала перебирать их.

— Что ты ищешь? — любопытствовала Фина, прикрывая зевок ладонью и снова отправляя руку болтаться в воздухе.

По цветной закладке Агата быстро нашла то, что ей было надо.

— Поражение магическим оружием, — отчеканила она, одновременно читая название раздела учебника и отвечая на вопрос соседки.

— Что?

Агата нахмурила на нее брови:

— Если бы я только видела мертвое тело своими глазами!

— Это было ужасное зрелище, не думаю...

— Больше всего на свете я ненавижу неведение! — Агата запрыгнула в тапки и, шаркая подошвой, заходила по комнате, раскрыв книгу до хруста в корешке и изучая что-то в своих пометках. — Как вы можете валяться в своих постелях, когда среди нас затесался убийца?

— Среди нас? — переспросила Фина, загипнотизированная мельканием голубых кос. — Ты думаешь, это был кто-то из чародеев?

— Нельзя утверждать наверняка! Будь у меня доступ к телу, я бы сказала точнее. Фина, — остановилась Агата напротив кровати. — Ты же одна из первых обнаружила труп?

От слов «труп» и «тело», сказанных так бездушно, лицо Фины перекривилось.

— Да... — ответила она так, словно сейчас ее желудок вывернет наизнанку.

— Рядом было орудие убийства? Какие раны были на химере? Рваные? Колотые? Сколько их было? В каких местах? И как много крови из них вышло?

— Перестань, Агата! — чувствительно взвизгнула Фина и нырнула с головой под одеяло, откуда звучала глухо: — Я даже вспоминать об этом не хочу! Кроме того, я не подходила близко к... те...тру... к химере!

— Не знала, что ты такая неженка! Сказываются гены аристократии.

— Это просто ты бесчувственная...

За спиной Агаты зашуршала постель.

— Прости, Марго, — высунулась на звук Фина. — Мы тебя разбудили?

Маргарита перекинула ноги через край кровати и, вся ссутуленная и разлохмаченная, качнула головой.

— Агата права, мы должны хотя бы попытаться что-то выяснить...

— На что была похожа рана?

Агата опустила вступления, и, вытянувшись всем телом, приставила открытую книгу к замутненным слезами глазам Маргариты.

— Ой, что это такое? — испуганно отпрянула та, ударившись затылком о стену. Спускающийся на паутинке паук замахал своими ножками, словно грозя: «Ты что делаешь, девочка? Из-за тебя я упустил добычу!»

Муха стряхнула с себя шелковые нити, словно косынку, и, показав пауку хоботок, ужужжала в окно.

Маргарита тоже счесала с волос клочок паутины, проглотила отвращение и с осторожностью взяла книгу из рук Агаты.

— Это точно учебник, а не книга ужасов?

Агата ответила просто:

— Жизнь будет пострашнее любой страшилки, Маргарита. А это — основы хирургии. Чтобы спасти раненого человека, перво-наперво следует изучить механику нанесения раны. В зависимости от того, использовался ли в качестве орудия магический инструмент и какой силы и спектра его магия, определяется способ оказания первой медицинской помощи и дальнейшего лечения.

Маргарита и Фина дружно кивнули, мысленно одобряя ум и эрудицию Агаты.

— Орудие убийства я не помню... — Маргарита детально рассматривала каждую иллюстрацию в учебнике, сравнивая их со своими воспоминаниями. Несмотря на то, что их нарисовала рука художника, они выглядели реалистично отталкивающими, а откровенно говоря — мерзкими и извращенными.

— Немудрено.

Маргариту хватило ненадолго. Она отвела взгляд, перебарывая дурноту.

— Я не... я не думаю, что мне поможет эта книга.

— Рана была сквозная? — не отставала Агата.

— Не знаю, химера лежала на спине.

— Подумай, Маргарита! Это важно! При сквозных ранах под телом собралось бы очень много крови.

— Кровь текла из раны на груди...

— Где была рана?

— В области сердца. Рукава мастера Дорена не сильно запачкались, когда он поднял химеру на руки... поэтому...

— ... Вряд ли ее проткнули насквозь, — закончила за нее Агата.

— У раны были рваные края?

— Хм, ее было и не разглядеть толком.

— Похоже на удар острым клинком.

— Или ножом, — внесла свою лепту Маргарита.

— Точно не скажешь.

— Значит, убийца владеет оружием? Кто-то из боевого факультета? — вовлеклась в рассуждения Fiна.

— Это было бы логичнее. Чародей убил прислугу, — постукивала указательным пальцем по нижней губе Агата. — Готова поспорить, все так и думают. Но что если это саботаж?

— Ты же не хочешь сказать, что прислуга убила одну из своих, чтобы навлечь подозрения на чародеев Академии? — проследила направление ее суждений Маргарита.

— Все может быть, — загадочно изрекла та и с нагруженными тяжелыми думами мозгами осела на постель.

Маргарита и Fiна боялись помешать мыследеятельности Агаты и терпеливо вдыхали тишину.

— Помнишь, Маргарита, — вновь заговорила ведьма спустя время, — ты как-то сказала, что химера избегает тебя?

— Точно! — осенило Fiну. — Возможно, ее странное поведение и то, что случилось сегодня с утра, имеют связь.

— Что случилось? В какой момент химера стала игнорировать наш столик?

Чародейки перебрасывались фразами, и уставший разум Маргариты за ними не поспевал:

— Не уверена... Может химере не понравилось, что я вдела ее перо в заколку?

— С чего бы? — громко воскликнула Fiна. — Если бы мой подарок носили в волосах, я бы была польщена!

— Вот именно, — была солидарна с ней Агата. — Это же намного лучше, чем хранить его где-нибудь в тумбочке или в страницах книги как гербарий. Нет, тут должно быть что-то еще... Подожди-ка! — округлила она глаза. — А что если химера избегала не конкретно тебя, а столик, за которым ты сидела?

— Возможно, — с неким колебанием ответила Маргарита.

— Тогда... что изменилось у нашего столика после того, как ты получила подарок химеры?

Fiна взволнованно вскочила с кровати, напугав Агату:

— С нами стал сидеть Невил Фоджер.

Имя ледяного чародея, произнесенное вслух чужими устами, разворошило в Маргарите постыдные воспоминания прошлого вечера о несостоявшемся поцелуе и ее поспешном побеге. Изначально она и не поняла, о чем идет речь.

— Все сходится! — аргументировала свое обвинение Fiна. — Фоджер владеет оружием, Маргарита тесно общалась с ним, а перо химеры было в его самодельном украшении.

— А еще он достаточно импульсивный, чтобы повести себя агрессивно...

Агата и Fiна пребывали в воодушевлении, какое очень травмировало чувства Маргариты.

— Вы подозреваете Невила?

— Ну, — смутилась Fiна и не договорила.

Агата же была по обыкновению тверда и хладнокровна:

— Пока что он главный подозреваемый. Нет ничего плохого в подозрениях. Если он не виновен, это вскоре выяснится. Я доложу о нем мастеру Дорену. Он проведет проверку и...

— Нет! — возопила Маргарита, мечая искры из глаз. — Невил хороший человек. Он ни за что бы не убил химеру! Он знал, что я к ней хорошо относилась, и он бы не...

— Не сделал бы то, что тебя расстроит? — хмыкнула Агата нервно. — Ты говоришь так, потому что влюблена. Любовь огуляет.

— Агата... Не надо ругаться, — вмешалась Fiна, за что получила в ребра материализовавшимся во вспышке голубого света древком посоха.

— Сама ты дура!

— А ну, повтори!

Вокруг ведьмочки завихрились лужицы воды, раздувая ветер, в котором строптиво колыхались две густые цветные косы. Стекла круглых очков усеялись мелкими каплями, но глаза за ними смотрели на Маргариту, не моргая. Книги на кровати сами собой перелистывались, а шокированный бурей паук забился в угол кровати и запечатался толстым слоем паутины.

Маргарита пятилась, пока не уперлась бедром в тумбочку. Для нее Агата была чародейкой великой, орудующей внушительным на вид посохом. Увиденного трюка ей сполна хватило, чтобы заботиться магии.

И ведьма пользовалась этим как преимуществом — Маргарита всегда с открытым ртом наблюдала за ее колдовством, не отдавая внимания натужным жилкам на лбу и одышке.

Величием, пусть и фальшивым, легко вызвать у других страх.

Агата ощутила за собой эту силу и представила, как такими же пугливыми глазами на нее взирают негодяйки Кассандра, Амиама и Фэй.

В планах Маргариты не было поражения — гордость не позволяла. Она вслепую нащупала в верхнем ящике тумбы один из своих порошков.

— Прочисти уши. Я сказала, что ты дура, Агата! — повторила Маргарита и, взмахнув рукавом ночного платья — прямо как настоящая колдунья — отправила песочное наполнение пузырька в воздух — навстречу водяным струям, рванувшим в ее направлении.

Шарообразные гранулы разбухли, мгновенно вобрав всю воду, и из едва зримых крупинок выросли в пружинистые шарики размером с теннисный мяч. Точно также они отскакивали от стен и пола, и, взывающая к уму-разуму Фи́на со своей несуразно высокой и худой комплекцией была обречена поскользнуться.

— Что это?!

— Магический абсорбент! — усмехнулась Маргарита.

Агата ехидно улыбнулась удавшемуся магическому фокусу с абсорбирующим веществом.

— Неплохо!

Девушки уже и думать забыли, о чем их бой. Они на всю катушку развлекались, пока Фи́на набивала синяки, кувыряясь на полу, среди стремительно разбухающих шариков:

— Остановитесь, девочки!

Но от Агаты на Маргариту уже двигался второй всплеск воды.

— Попробуй-ка отбить эту атаку!

— Хм! — Маргарита отвинтила зубами пробку из — в этот раз — целого бутыля и рассыпала порошок, подписанный как «антиграв».

Вода вдруг потеряла вес, собралась в пузырьки и стала подниматься вверх.

— Ай! Ай! — застонала Фи́на. Как она лежала пластом, так ее и оторвало от пола — вместе с увеличившимися до футбольного мяча гранулами.

Маргариту и Агату тоже подхватила невесомость. Поначалу они обе растерялись, но потом, когда сообразили, в чем дело, расхохотались.

— Кто-нибудь... — барахталась в воздухе Фи́на, подметая волосами пол.

Агата помогла ей занять вертикальное положение и, придерживая рядом с собой, отсмеялась уже спокойнее.

— Давно я не видела тебя такой, — прокомментировала Фи́на, — засмотревшись на раздумавшееся лицо ведьмочки. Тонкие губы изогнулись задумчивой улыбкой, от которой Агате сделалось не по себе.

Краски на ее щеках сгустились, она отцепилась от плеча Фи́ны и похмурила, будто смех для нее был поводом для стыда.

Подгребая ногой, стараясь приспособиться к отсутствию земного притяжения, Агата потеряла тапок, и ей от этого стало еще более неудобно.

Перевернуться в воздухе лицом к Маргарите было трудоемким предприятием, поэтому ведьмочка обратила к ней только взгляд, а сама осталась парить напротив Фины:

— Зря я так напала на тебя. Я слишком увлеклась расследованием, но не мне судить, кто виноват. Думаю, наши преподаватели в этом вопросе куда компетентнее...

— Все в порядке. И ты меня извини. Честно признаться, я по белому завидую твоему уму! И знаешь что? Было весело! — Маргарита хихикнула и откинулась на спину, отдаваясь воздушному течению.

Агата закрылась волосами так, чтобы Fiна не видела, как ее распирает улыбка:

— Ты права. Было весело.

— И как нам спуститься? — озадачилась Fiна, когда полет всех утомил. Всё-таки невесомость вредна для здоровья. Надо было как-то все это прекращать.

— Я знаю срочное заклинание «отмены», — сказала Агата, подтягивая себя к лестнице. — Правда, не уверена — сработает ли... Обычно им отменяют лекарственный эффект при передозировке и индивидуальной непереносимости магических препаратов. Это может спасти жи-изнь! — Последний слог она прокричала, наконец, достав до перил и обняв их коленями, потому что руки ей требовались для другого. — Так... Заклинания ... жестовые заклѣтия, — бормотала она, — а, вот, заклинание отмены!

Агата оставила книгу левитировать и с помощью пальцев изобразила нечто вроде решетки. По ее переносице стекла усердная капелька пота. Заклинательный знак подсветился магией элемента и... неожиданно сработал. Хотя и не совсем так, как все надеялись.

Гравитация безжалостно побросала чародеек вниз. Абсорбирующие гранулы опорожнились и обрушились градом, тѣкая девушек по головам. Атаки Агаты оказались гораздо мощнее, чем та предполагала. Извергнутая ею ранее вода облила всех с ног до головы. В затопленной комнате на поверхности плескались Маргарита и Fiна, а с ними по-соседству бултыхались книги, одежда, тапки Агаты и сама ведьма, навалившаяся на Блюма сверху как на спасательный круг.

— Агата, ты что, не умеешь плавать?

— Заткнись, Fiна! — прыснула слезами ведьмочка, прижимаясь к фамильяру.

Фуи дымился и трещал от попадающих на него брызг. Он не отличался магической стойкостью ручных огоньков мастера Дорена, его уголек мог размочиться и погибнуть, а там — сколько не вдыхай магию, а оживить не удастся!

Старый фонарь сорвало с двери, и Фуи поплыл на нем, раскачиваясь то влево, то вправо, то вверх, то вниз, зачерпывая внутрь воду. А меж тем через окно начал литься водопад. Что ж, хотя бы умирающий от засухи на подоконнике цветок нерадивой хозяйки Агаты напьется вдоволь! Конечно, если его не снесет волной на улицу.

Дверь задребезжала и под напором распахнулась. Поток неимоверной силы вырвался в коридор, пригвоздив к стене ничего не подозревающую главную горничную. Она сползла на пол, дрожа от ярости и выплевывая полный рот воды.

Послышался выкрик:

— Маргарита!

Маргарита отлипла от пола, стащила с затылка книжные листы, приставшие к волосам как морские водоросли, в мыслях отрицая свою провинность: «И почему опять я?»

Глава 3. Круг Фей

— Простите, госпожа Акки!

— Извините...

— Это случайно вышло!

Фина, Агата и Маргарита сидели в луже, пригнув головы, словно приговоренные, и обтекаемая водой. Частички абсорбирующего вещества, лишённые одноразового заряда магической энергии, более не представляли собой пользы, лишь впивались в колени как галька на каменистом берегу. Вот только морем совсем не пахло, зато запах проблем ощущался явственно. Их сулила обрушить на незадачливых чародейек госпожа Акки, пострадавшая от озорства.

Она выжалась, с неё уже не капало, но вымоченное платье все также липло к телу, а волосы сдулись и лишились блеска.

Тележка с ужином опрокинулась, и еду разметало мясными ошметками и овощной кашцей по всему коридору. Но сильнее всего измазался белоснежный передник Акки. На него разлился острый соус, и хотя поток воды прополоскал одежду, бледно-розовое пятно с пикантным запахом муската накрепко въелось в ткани.

Акки степенно прохаживалась перед виновниками безобразия, периодически похлопывая каждого перьевой метелкой, что было очень милосердно с ее стороны. Лучше вдыхать пыль, чем возвращать шишки. Впрочем, в любой момент метелка могла трансформироваться в швабру. Так что, покладистость была в интересах самих чародейек.

— Я востребую у мастера Дорена лишить вас стипендий до окончания учебного года!

— Что? — подняла глаза Агата, и тут же получила по макушке.

— А на что вы думаете, мы будем делать ремонт на угробленном вами этаже?

— Мы сами сделаем! Сами все починим! — воскликнула Фина, учтя ошибку Агаты и не меняя своего смиренного вида.

— Ладно! — вздохнула Акки. — Я вообще-то к вам не за этим шла!

— Ну, ужин, я так понимаю, нам не светит? — с надеждой пролепетала Фина.

— Бессовестная! Я вообще не должна была вас обслуживать!...

— Горничные отказались работать?

За острый язык Агате снова прилетело, на сей раз — древком садовой лопатки, точно по лбу.

Ведьмочка ойкнула и заткнулась, задавать вопросы начала Маргарита:

— Госпожа Акки, вы нашли убийцу?

Маргариту горничная пощадила.

— Почти, — расплывчато отвечала та. На ее лице вдруг выскочила отметина почти слезливого изнеможения. Маргарите подумалось о том, как же тяжело приходится Акки, если прислуга, как сказала Агата, в самом деле объявила забастовку.

— Для этого я здесь. Мастер Дорен требует свидания с тобой.

Агата и Фина, на всякий случай, защищая головы, вопросительно покосились на Маргариту.

— Чтобы допросить тебя! — добавила горничная строже, перекрывая воздух зреющему в образовавшейся тишине любопытству. — Ничего такого! Но любая информация будет важна. В конце концов, из учащих ты единственная была удостоена пера химеры.

Раздав указания по уборке Агате и Фине, чтобы те не сидели без дела, Акки забрала Маргариту, сперва — к себе в комнату, чтобы переодеться, поскольку, как выяснилось, платяной шкаф был полон воды и ученическая форма девушки вымокла насквозь.

В то время как Маргарита примеряла нашедшееся ей в пору платье, Акки насыпала в передник кусочки мела, которые удалось наскрести в ящиках.

Юбка у платья была просторной, вся в крупных складках, но цвет не из веселых — будто старая трава в тумане. Сшитый из тончайшего дышащего материала лиф с воздушными белыми оборками на рукавах смотрелся бы неприлично, не будь он перекрыт сверху плотной накидкой на завязках — в оттенок юбки. Лишней обуви по размеру в гардеробе прислуги не оказалось, и Маргарите пришлось обойтись форменными туфлями — к счастью, они успели просохнуть у печи.

— Ну как я выгляжу? — Маргарита покрутилась на месте, напрашиваясь на комплимент. «Просто, но со вкусом!» — подумала она.

Реакция пришла запоздалая и сухая:

— Немного коротковато, но цвет тебе к лицу.

Сегодня Акки вела себя как-то не собранно, ее зрачки блуждали, как бывало с Агатой, когда та готовила уроки. Даже подсказки Фаффи иногда сквозили мимо.

— А, да, точно, «красная астра», — кивнула она, срывая с веревки под потолком высушенный пучок травы с аляписто-красными листьями, острыми, как у крапивы. — Хватит крутиться! Сядь! — не выдержали ее нервы.

Маргарита от неожиданности остолбенела. Акки всегда была ворчливой, но сегодня она превзошла саму себя! Разве что шваброй не избила — видать, Маргарита нужна ей для другого истязания.

Запасшись всем, что было нужно, сестры опустилась на подушки возле низкого столика. Обычно он полнился сладостями, а сейчас пустовал. Ни фарфорового чайника, ни успокаивающего чая в милых хрупких чашках. Намечался какой-то серьезный разговор. Сердце Маргариты зашлось, как больное. Она глубоко вдохнула сладко-горький аромат цветов, чьи метелки покачивались от ветерка и роняли лепестки прямо ей на волосы, свисая с антресолей, будто мишура:

— Мы не пойдем к мастеру Дорену?

— Почему же! Пойдем, но чуть погодя и окольным путем.

— Это как?

— Выйди, пожалуйста, на крыльцо.

— Хм, зачем?

— Это сэкономит мое время.

Оранжевые лучи света проникали сквозь листву деревьев, освещая кирпичную стену. Выше, на небе, их окраску изменяло загадочное свечение. Солнце катилось к горизонту, и фиолетово-синие всполохи становились более яркими, иногда смешивались с изумрудными и желтыми отблесками.

Небеса наполнялась магией — великолепной, но настораживающей. Они словно раскалывались, извергая немой крик и ярость.

С недобрым предчувствием Маргарита вернулась в комнату, уже окутанную мрачными тенями.

— Что это?

— Барьер мастера Дорена, — была кратка в своем ответе Акки.

— Но ведь так не должно быть, правда же?

— В тот-то и беда. Видишь ли... — Горничная внезапно застонала. — Я не справляюсь, Маргарита. Помоги мне! Мастер Дорен совсем с катушек съехал! Он тратит свою магию на усиление барьера!

— Разве это плохо?

— Вовсе нет, если знать меру. Ты видела, что происходит на небе? Он же так себя истощит! Магический элементаль — такой же орган в теле чародея, как и сердце! Без магии он разрушится, и тогда...

— Что тогда? Он же... не может умереть?

Акки поразмыслила, вперившись огромными горящими глазами на Маргариту. Однако, когда она открыла рот, они моментально истлели грустью:

— Знала я одного чародея, что целенаправленно избавился от магического элементаля. Он выжил, но...

Здесь меланхоличный вид напустила на себя и Фаффи.

— Наверное, он был важным человеком для вас, — посочувствовала она.

Вопрос Маргариты выдрал горничных из пространного состояния.

Но Акки почему-то это разозлило:

— Он был моим... нашим...хорошим другом. Но это неважно. Он уже столетия как мертв.

То был беспрецедентно грубый ответ, так не относятся к памяти о дорогих сердцу людях. И что еще значит «столетия»?

— Давай вернёмся к делу! — не пожелала развязывать тему горничная. — До чего бы ни довел себя мастер Дорен, это нам ни к чему. Прислуга и учащиеся ждут от него слов ободрения, принятия лидерских решений. Я понимаю, что смерть химеры для него большой удар, но у ректора с кучей обязательств нет роскоши лелеять свою мягкосердечность. Его нужно образумить! И ты, Маргарита, идеально для этого подходишь.

— Я? И как вы это определили?

— У мастера Дорена к тебе особое отношение.

Ну вот! Опять эта фраза. «Особое отношение». Почему слышать ее так неудобно? И вдвойне — с тем тоном, в который окрасила ее госпожа Акки. Маргарита стоически перетерпела приступ смущения, прекрасно понимая, что ее лицо запекло румянцем всем на обозрение. Не став заикливаться на ухмылке горничной, она с чувством собственного достоинства прокашлялась и спросила:

— Как мы к нему попадем?

— С помощью магии, точнее — с помощью круга фей. — Акки объясняла: — Ты, верно, давно смекнула, что единственная лестница, ведущая в кабинет мастера Дорена, не совсем обычная. Суть в том, что Тодороко искажает ее пространство таким образом, чтобы никто, кроме хозяина, не смог пробраться к архиартефактам королевской семьи, а также к центру питания магического барьера. Искажение настолько сильное, что даже пространственный ключ Чары не может открыть проход ближе, чем к основанию лестницы. Для гостей же мастер Дорен назначил провожатого с уникальным магическим инструментом, время от времени подзаряжаемым Тодороко.

— Гнеси? — догадалась Маргарита.

Обе горничные кивнули.

— Проблема в том, что Гнеси очень преданный слуга. Я общалась с ним насчет мастера Дорена, но он обкаркал меня и ушел, не дослушав до конца, — сказала Акки, сетуя.

— Могу вообразить...

— Остался один способ — забрать у него магический инструмент силой. Вот только я не имею понятия, что тот из себя представляет. Магические инструменты хорошо маскируются под обиходные вещи. Это не обязательно амулет или кольцо. Инструментом может быть одна из его белых перчаток или атласный шарф на шее. Или даже фальшивое перо. Все, что угодно!

— И как мы поступим?

— Воспользуемся «Кругом фей».

И Акки подалась в разъяснения:

— Есть три вида заклинательной магии: вербальная, жестовая и руническая. Если первые два в общей классификации относят к внутренней магии, то руническая магия жителей Фира предполагает перенос чар во внешние объекты, структуры с магическим потенциалом (в случае с кругом фей — в символы) на долгосрочный период, то есть — работу с внешней магией, чем, собственно, занимаются прикладники. А такое возможно, если только магия твоего элемента свободная, не ограниченная формой: нельзя активировать круг фей, полив его кровью или запорошив снегом. Руничество Фира официально запрещено в нашем государстве, поскольку вначале войны феи приняли сторону простолюдинов. Тем не менее, их магия произвела революцию в развитии чаровничества как такового. Прежде мало кто задумывался о преимуществах свободной магии. В наши дни, несмотря на сохраняющуюся в высшем обществе тенденцию ненависти к феям, работа с внешней магией практикуется повсеместно. Благодаря этому открытию я могу без вреда для здоровья видоизменять свою перчатку, пока в ней достает магического ресурса. И любой, независимо от способности, может высушить одежду после стирки абсорбирующим порошком.

— Это действительно замечательное открытие!

— И еще одна причина, по которой я хочу прибегнуть к помощи прикладника со свободной магией.

Акки с такой уверенностью заявляла об этом, что Маргариту охватили сомнения — получится ли у нее? Ведь на самом деле она далеко не чародейка!

— Вы уверены, что моей магии хватит?

Автоматически ее рука потянулась к уху, к зачарованной сережке мастера Дорена, но — о, ужас! — ее там не оказалось. Магический инструмент исчез!

У Маргариты зазвенело в ушах. Не усмотрела! Потеряла! Безмозглая дура!

— А, прости, — усмехнулась Акки, залезая в карман передника и вынимая оттуда украшение с перламутром, — ты так быстро убежала утром.

Маргариту словно поразила молния.

— Так вы и это знаете... — замаялась она. — Мастер Дорен рассказал?

— Нет, он сам был не в восторге, когда я раскрыла его тайну. — смешливо проговорила горничная и с чувством вздохнула, напомнив старушку, души не чающую в своем любимом внушке.

Маргарита почувствовала облегчение. Если мастер Дорен примирился с тем, что Акки рассекретила личность его подопечной, и не развел из этого скандал, доверие к горничной, безусловно, заслужено.

Акки и Маргарита приступили к работе по наступлению сумерек. Черные накидки с капюшонами делали их очертания неразличимыми в темноте, чтобы не попасться раньше положенного срока.

Хотя Гнеси являлся не более чем слугой-химерой, мастер Дорен позаботился о том, чтобы тот жил достойно. С этажа был выход к загадочной кирпичной лестнице.

Пространство разграничивали колонны. Их было четное количество, все они стояли симметрично и ветвились вверх, где высоко под потолком соединялись в своды. Лес из белого камня! Ну а где же еще жить ворону?

За колоннами было легко укрыться, там, возле одной из них, Маргарита и заняла свой пост на карауле, пока Акки ползала на корячках и рисовала Круг Фей на циновке. Горничной пришлось сильно заморочиться, чтобы в точности воспроизвести все символы по памяти.

Оранжевые блики фонаря в ее руке танцевали от сквозняка.

Канделябры горели только по сторонам от входа на лестницу. Это было ничто в сравнении с масштабами потемков, устроенных Гнеси для своего комфорта. Что сказать? Ну и мрачный же он тип!

Щекотание в животе изводило Маргариту:

— Простите, Акки, — вырвалось у нее шепотом, — а нельзя было нарисовать «Круг Фей» заранее? А потом, готовый, принести сюда?

— Нет, — отвечала та, растирая на пальца алый порошок, — краситель, получаемый из высушенных листьев красной астры, мог размазаться при транспортировке циновки... Про мел вообще молчу. — Акки подрисовала к странным знакам в центре круга несколько жирных точек. — Незначительная погрешность — и заклинание не сработает.

Маргарита выдохнула:

— И долго еще?

— Последний штрих!

Маргарите не оставалось ничего, кроме как набраться терпения и продолжить таращить глаза в темноту.

Дубовая красно-коричневая дверь с четкой текстурой и шарообразной ручкой — ее не спутаешь ни с одной другой. Наверняка, именно за ней располагались покои Гнеси. Закругленная поверху, она имела боковую отделку из панно, символизирующую листья.

Перепроверив заклинание и удостоверившись, что ошибок нет, Акки отряхнула руки и окликнула:

— Твой черед, Маргарита!

Крошечная зачарованная серьга была насыщена магией, ведь ее подзарядили не далее как утром и еще не использовали. Но яркой фиолетовой вспышкой «Круг Фей» высосал из нее все без остатка. Перламутр на украшении поблек, а у Маргариты задрожали локти. Она низко опустила голову, хватая воздух ртом. Это было серьезное колдовство, никакое сотворение магических порошков и масел в ряду не стояло с тем, что проделала Маргарита сейчас.

— Ты как? Голова не кружится?

— Через меня будто смерч пролетел... Как думаете, получилось?

— Ну конечно! Это же магия мастера Дорена! Она весьма уживчива.

Активизированный круг больше нельзя было так просто стереть. Запрятав циновку под ковер неподалеку от лестницы, Маргарита встала на позицию, а Акки подошла к лестнице, с силой наступила на первую ступень и замерла.

Связанный магическим инструментом с искаженным полем, Гнеси, как и рассчитывала Акки, почувал вторжение и вышел из комнаты. За перемещениями ворона было трудно уследить взглядом из-за амулета призрака, но, если абстрагироваться от него зрительно, — становились слышны шаги.

— Кар-р! — окрикнул Гнеси, не узнав горничную со спины.

Акки резко развернулась к нему лицом, из-под ее капюшона высыпалась пара золотистых локонов. Ослепив ворона фонарём, она вынудила его остановиться.

«Ну и ну, — светлые брови Акки расхмурила досада, — всего пять сантиметров не хватило...»

Носки туфель ворона-слуги чуть-чуть не доставали границы круга. Акки скользнула от них взглядом к широкой груди, высматривая на одежде предполагаемые магические инструменты.

— Приветствую, Гнеси, прости, что потревожила в столь поздний час... — говорила она одно, но в мыслях звучало другое: «Придется применить старую-добрую уловку с кулаком».

— Не сердчай, дружище, я лишь выманила тебя, чтобы вручить кое-что для нашего мастера. А иначе бы ты не открыл мне дверь...

Акки выпрямила руку в локте в направлении Гнеси, будто в нее было что-то вложено. Перчатка подзывающе заскрипела. Акки перекачивала в ней пустоту, словно осязаемый шарик.

Шея ворона вывернулась так, что горничная могла видеть его точеный блестящий клюв. В профиль Гнеси было удобнее рассматривать предметы.

«Ага, заинтриговала?»

— Ну же, возьми, мастер Дорен давно просил меня принести ему это.

На поводу у любопытства Гнеси не пошел, но вот верность хозяину сделала из него дурака. В ней он мог бы посоревноваться с фамильяром, хотя даже у фамильяров, порой, мнения идут в разрез с тем, что им приказывают. Но какая разница, что ты думаешь, если ты на поводке у чародея? Тодороко наблюдал за сценой из тени, словно делая ставки — кто кого победит?

Маргарита заприметила его еще, когда Акки трудилась над заклинанием, во тьме он плавал как рыба в воде. И Маргариту это напрягало. Моргающие то тут, то там в черноте кровавые щелки-глаза невозможно воспринимать как данное.

Гнеси закаркал, озираясь себе под ноги. Круг фей просвечивался через ковер, мощно сияя золотом.

— А теперь, подскажи-ка, где ты держись магический инструмент, который проведет нас через магию Тодороко?

Вопрос Акки мог бы показаться наивным. Одна ее просьба не заставила бы Гнеси расстаться с такой важной вещью.

— Кар-р! — Ворон не понимал, что с ним происходит, но инстинктивно поторопился защитить свое сокровище.

По его руке, сминающей предмет у груди, Акки догадалась:

— Нагрудные серебряные часы!

Светящийся круг не оказал никакого воздействия на Гнеси. Тот расслабился, прокричал что-то в угрозе и переступил через круг, чтобы схватить горничную за шкурку, но внезапно был возвращен назад странным импульсом. Постепенно Гнеси пришел к мысли, что все ему привиделось. Выходит, он и не двигался вовсе, стоял на месте, обманутый колдовством? Таинственных рун больше не было, а магический инструмент, за который так трясся ворон, бесследно исчез.

— Кар! — Гнеси в панике похлопал себя по карманам.

— Скорее, Маргарита! — прокричала Акки, пропуская на лестницу черную фигуру, в кулаке которой блестели механические часы на цепочке — магический инструмент украденный у Гнеси! — А уж я как-нибудь с ним разберусь.

— Только попробуй тронуть госпожу Акки, противный вороняка! — провопила Маргарита, перепрыгивая по две ступеньки за раз.

Горничная улыбнулась ее заботе и лениво обернулась к здоровяку-слуге. Ручищи в белых перчатках опускались на нее с хищной тенью, однако Акки не проявила ни малейшего признака страха. Сейчас она была выше своего обычного роста ровно на одну ступень — это ли не повод для храбрости? На ее щеке затемнилась ямочка от однобокой улыбки:

— Ты не первый в моей жизни двухметровый страшила. Меня таким не запугать.

Глава 4. Дверь, которой не было

Окна на лестнице были проще и поменьше, но, как и полагается — с двумя проемами, разделенными фигурными столбиками. Неважно, стояли на дворе день или ночь, куда ни глянешь — небо расплывается в облаках цветом сырой бумаги: ни солнца, ни звезд, никакого просвета синевы.

Туман снаружи проникал на лестницу через проемы для вентиляции внизу кирпичной стены и застилал белым ковром необтесанный камень ступеней. Длинный подол черной накидки Маргариты волочился по ним, иногда дрожа от сквозняка — как-никак, меньше чем за две минуты, она взойшла на высоту облаков.

Не успела девушка опомниться, а лестница уже кончилась.

Послушный воле владельца магический инструмент привел ее к заветному кабинету быстрее, будучи в ее руках, чем в обладании Гнеси. Это воодушевляло. Подняв на уровень глаз цепочку, Маргарита с благодарностью взглянула на часы.

А стрелки то стоят!

Как умно — замаскировать манипулятор пространством под часовой механизм! Вроде и нетождественные категории, но они же — отдельные стороны целого. По словам ученых на них основывается мироздание. Видимо, в мире с магией также.

Маргарита бросилась на дверь и одернула ручку. План Акки проигрался безупречно за исключением одной детали — она не продумала, как Маргарита прорвется в кабинет через запертую дверь!

— Мастер Дорен! Мастер Дорен, откройте!

Маргарита почувствовала себя полной дурой — естественно, чародей не впустит ее добровольно! А иначе, к чему была эта затея с кражей магического инструмента?

Она еще немного потягала дверь за ручку и со вздохом приложилась лбом к ее прохладной поверхности. Неужели все было бестолку?

— И как мне поступить? Акки бы наверняка что-нибудь придумала...

Маргарита решила, что продолжит колотить в дверь, чего бы это ей ни стоило, и тогда, рано или поздно, мастер Дорен откроет ей.

— Мастер Дорен! Это я, Маргарита! Прошу!

В кабинете послышалась возня, затем короткий звон, будто упало что-то небольшое, но тяжелое.

— Мастер Дорен? — Маргарита прислушалась и воззвала к чародею громче: — Откройте, пожалуйста, это я... — Она не договорила, шум отодвигаемого засова заставил ее затаить дыхание.

— Мастер Дорен!

Маргарита ворвалась комнату, но в ней чародея не оказалось. Вокруг расходилась безлюдная тишина и недружелюбный сумрак. Мастер Дорен отсутствовал на рабочем месте не первый час — камин был холодным, его кресло тоже. Маргарита мельком глянула на стол, но ничего необычного не нашла. Она оставила бумаги, обернулась кругом, порыскала глазами по стенам и шкафам, пытаясь понять, кто мог впустить ее в кабинет? Ведь кроме нее здесь никого не было! У мастера Дорена же нет никаких призрачных слуг?

— А куда же подевались огоньки? — Этот вопрос сам собой закрался в мысли, когда Маргарита споткнулась о треногий подсвечник.

Она не могла оставить его так валяться на ковре и поместила на стол, по памяти — справа от стула. Вроде бы там было его место. Пока она наводила порядок, за ее спиной расцветал оранжеватый шар света. Он следовал движениям ее головы, как нимб — очень большой и... какой-то писклявый. Неугомонные пятна теней мигали по рукам, пульсировали по столу и на

бумажных стопках. Девушка сразу поняла, что это тихие огоньки мастера Дорена скучились за ней, и притворилась, что не видит их.

— Где же они? — едва скрывала смех Маргарита, подыгрывая маленьким озорливым демонам.

Огоньки на радостях, что с ними всерьез кто-то вздумал поиграть, разлетелись по щелям кто куда: одни притаились под шкафом, вторые — за камином, третьи, самые бесстрашные, — залезли девушке под плащ. Прятались они, мягко сказать, не умело — то запыхают чересчур ярко, то зашумят в борьбе на укромное местечко. Когда Маргарита нашла всех, огненные существа начали в задоре кружиться под потолком, требуя продолжения игры.

— Ну, вот я вас всех и разыскала, милые огонечки. Я бы поиграла с вами еще, — добавила она, услышав разочарованный треск, — но не сейчас. Я знаю, что вы, маленькие умненькие огненные духи, прекрасно понимаете меня. Признаюсь вам, что из всех огоньков Академии вы нравитесь мне более всего.

Растроганные речью, огоньки прильнули к Маргарите и заверещали.

— Ну что вы? Это правда! — рассмеялась она, не ожидая, что духи как котята будут ластиться к ней. — Вы, в самом деле, самые лучшие огоньки! Ваши братья на этажах преподавателей жутко ворчливые, огоньки в коридорах общежитий — скучные и заносчивые. А вы не такие, нет! Вы очень добрые... Прямо как...

Все хорошие чувства от встречи с огоньками растворилось в омуте печали. Маргарита не могла избавиться от тревоги о том, что в этот самый момент где-то в одиночестве мучает себя виной человек, которому она многим обязана.

— Прямо как ваш хозяин. И я хочу ему помочь! Пожалуйста! — слезно взмолилась она. — Скажите, где может быть мастер Дорен?

Огоньки собрались в кучу, будто переговариваясь. Обсудив вопрос, они хаотично заматались над девушкой.

— Послушайте! Мне некогда с вами играть!

Она к ним со слезами на глазах, а они со своими играми!

Не унимаясь, огоньки перемещались со скоростью неуловимой человеческим зрением. Золотисто-оранжевые штрихи сверкали, как хвосты комет, обращая залитый тенями потолок в небо для их звездопада.

Конечно, шоу было — загляденье! Но как проникнуться красотой, когда сердце уродливо рвется на части?

Маргарите захотелось заплакать от обиды, и она попыталась отвернуться от огоньков, но ей никак не удавалось от них уйти или спрятать лицо. Куда бы она не повернула голову — в уголке глаза раздавались вспышки. Они уже не казались красивыми, а скорее — раздражали.

Вдруг, девушка уловила среди огней очертания двери. Там, где ее никогда прежде не было!

Огоньки слаженно разлетелись, за ними, как за упавшим занавесом, глазам Маргариты предстала дверь. Она находилась под печатью заклинания, начерченной на квадратном листке бумаги. С ним дверь была неприметной; лишь изредка, в уголке глаза отражались обрамления дверного проема и блеск золотой ручки. С малейшего прикосновения заклинание отклеилось и мягко спланировало на ковер. Это не была магия фей, символы совсем другие — крупные, вроде иероглифов, ничего общего с рунами. К тому же, едва бы мастер Дорен стал применять запретную магию в своей Академии, когда есть множество законных способов письменного колдовства.

— Спасибо, — поблагодарила Маргарита огоньки, встревоженные тем, что ее пальцы сложились на дверной ручке. — Обещаю, я вернусь и мы с вами еще как-нибудь поиграем!

Дверь поддавалась туго, сквозняк тянул ее на себя, сипел в щель между полом. Маргарита управилась, но не без пыhtения и проклятий.

— Наконец-то!

Сквозняк освободился и, взревев ветром, со страшной силой налетел на Маргариту, сдернув с ее головы капюшон и раскидав волосы по плечам. Любопытные огоньки завращались в воздухе, не устояв перед порывом.

За дверью начинался коридор фиолетовых огней — полтора метра в ширину, с голыми кирпичными стенами и круглым потолком. А посреди него величаво стоял прозрачный олень, окружённый голубоватым блеском. Дух ветра!

— Привет, — вырвалось у Маргариты неловко.

Олень склонил рога, безмолвно приветствуя человека. Он подождал, когда девушка зайдет в коридор, и, лязгнув задним копытом, поднял ветер, который захлопнул за ними дверь. Дух ветра не был Маргарите врагом, они здорово сдружились тогда, в оружейной, но идти позади такого царственного магического зверя все равно было трепетно. Важности ему придавала и его неторопливость, аристократическая размеренность шагов, горделивый взгляд серебряных глаз-огоньков. Сегодня дух ветра не выпрашивал у Маргариты игры, он будто был осведомлен обо всем, что привнесла в рутину Академии трагедия, и этой почтительной флегматичностью держал уважение и траур.

Из-за светящейся оленьей фигуры было не различить, что там, впереди. В конце коридора олень вдруг застыл, изучая даль, после чего легонько боднул девушку в живот.

— Здесь?

Дух испарился, ему не требовалось отвечать, ведь Маргарита и так все уже знала.

Из центра огромного круглого зала вырывался столп белого света, затеняющий фигуру чародея, кажущую черной точкой на его фоне. Если это тот же свет, что бил ключом из самой высокой башни Академии, то он явно стал шире, намного шире. На руках мастера Дорена, покоящихся ладонями поверх откосного камня, выступили вены. Погруженный в какую-то медитацию, он стоял недвижимый и очень-очень бледный.

У Маргариты упало сердце. Она вскрикнула, подбегая к нему:

— Мастер Дорен!

Но чародей остался глух к ее зову.

Девушке пришлось оттолкнуть его силой; произошла вспышка, брызнули молнии, в стороны посыпались искры. Возможно, так, как сделала Маргарита, делать было неправильно, но не в том она сейчас положении, чтобы выбирать.

Чародей и его ученица повалились на каменный пол. Маргарита отбила бедро, а в колено воткнулся камешек. Тем не менее, мастера Дорена она не отпустила, уверенная, что хоть немного, но смягчила ему падение.

Гравюры на камне во многом походили на узоры — вроде тех, что дает отпечаток пальца, — по-настоящему гигантского пальца! Последние отпечатки магии догорали, бегая по выпуклым кольцам фиолетовыми ручейками.

Маргарита засмотрелась на них, гадая, не взорвется ли еще что-нибудь.

Мастер Дорен пришел в себя, потерянный взор его зафиксировался на девушке.

— Маргарита?.. Что ты... здесь делаешь?

Волосы, черные как ночь, густо рассыпались по лицу, но и сквозь них было видно, как глубоко хмурость расплосовала лоб чародея:

— Как ты сюда попала?

Холодок зацепил Маргарите позвоночник. К такому приему она была не готова. Ткань преподавательской мантии выскользнула из ее влажных пальцев, и те залазали по карманам в поиске магического инструмента.

— С помощью манипулятора пространством!

— Часы Гнеси?

Маргарита разомкнула рот, чтобы оправдаться, когда рука мастера Дорена выхватила часы.

— Ты хоть понимаешь насколько это опасный инструмент? Им нельзя пользоваться простому человеку без должной магической защиты! Где сам Гнеси? Что с ним? Он же не?.. — раскричался чародей, наведя своей мертвенной бледностью такого страха на Маргариту, что та тут же поторопилась опровергнуть надуманные им беды.

— С ним все хорошо! Гнеси в добром здравии. Наверное, сейчас попивает чаек с главными горничными!

— Но почему он отдал тебе часы?

«Не будьте наивным!», — стрельнуло в голове у Маргариты.

— Мы укра... в смысле... одолжили у Гнеси магический инструмент. Это все госпожа Акки! — бессовестно взвалила она вину на горничную.

Мастер Дорен убрал часы за пазуху и совершил весьма уверенную попытку встать на ноги. Маргарита тоже поднялась, настроенная в случае чего стать чародею опорой. Она не прогадала. Не ступив и шагу, мастер Дорен был сражен головокружением.

— Я... здесь! — подхватила его Маргарита, но простояла с ним не долго. Под весом чародея у нее у самой завернулись колени, и по итогу они оба грузно опустились наземь.

— Ну и тяжелый же вы...

— Акки не пошла бы против моих наставлений без веской причины. — Мастер Дорен прервал свой порывистый вздох фразой. — Который час?

— Когда мы встретились с Гнеси, была половина одиннадцатого...

— Утра?

— Вечера...

Мастер Дорен молчал, обрабатывая информацию. Выражение на его лице не менялось, но вот цвет! Если до этого он был сравним бледностью с мертвецом, то сейчас стал белым, как мел госпожи Акки.

— Прислуга объявила бойкот. Никто не работает, потому что все боятся убийцы. Думаю, первым делом стоит успокоить народ, я сочиню для вас речь, и завтра вы с ней выступите. А до тех пор, ни о чем не тревожьтесь и отдохните. На вас лица нет.

Глаза чародея покраснели, он закрыл их и уронил подбородок на грудь, его голос зазвучал надрывно:

— Прости... ты не должна была это видеть...

Дышать стало больно. Чародей не уточнил, что имел в виду местоимением «это», но Маргарита каким-то образом понимала, что речь идет о химере и утренних событиях. Она вспомнила его странный взгляд, посвященный ей перед уходом, теперь разобравшись в том, чем это было в действительности — неизъясненным сожалением, перерождающимся в горькое пламя совести...

— Я унаследовал магию своего учителя, но даже с ней продолжаю оставаться ничтожеством.

— Это не так...

— Я хотел спасти простых людей, людей, чьи жизни ни во что не ставили. Закончить эту бессмысленную войну. Но я ошибся. Ошибался снова и снова. И вот он я, не смог защитить даже тех, за кого поручился. Может пора прекратить... Какой толк в моей магии, если я...

— Нет!

Маргарита впилась ногтями в мастера Дорена, воспрепятствовав накалу отчаяния, и рывком развернула его к себе за плечо:

— Чтобы спасти людей, не обязательно быть чарореем. Самые добрые поступки вы совершили без магии. Вы не бросили химер на произвол судьбы, предоставили им кров и работу, чтобы они могли жить как полноценные члены общества, вопреки презрению, направ-

ленному на вас, вы относились к ним как к личностям. И я чистосердечно благодарю вас за то, что я с вами, учусь в королевской Академии, хотя никто бы слова не сказал, избавься вы от обузы в лице меня в первый же мой день в вашем мире.

Маргарита выпалила это, не слишком задумываясь над тем, как возмутительно повела себя. Ее вскипяченный разум напрочь забыл о субординации. Она отстранилась, складывая руки за спиной и пылая смущением.

— Извините...

— Не надо извиняться. Это правильные слова, я рад, что услышал их от тебя.

Глаза мастера Дорена были красными, но слез из них не вытекло. И все же он вытер их рукавом. После этого его лицу вернулся более-менее человеческий оттенок.

— Помоги мне подняться...

Рука мастера Дорена сдвигала Маргарите лопатки, но это маленькое неудобство она стерпела без жалоб. После убийственных тренировок у Виктора Михайловича, ее трудно было чем-то сломить.

— Отдам должное моему тренеру из спортшколы... не зря он выжимал из нас все соки.

— Нет, — сказал мастер Дорен, налегая на плечо Маргариты, захромавшей путем, что вел через коридор фиолетовых огней в его кабинет. — Давай туда.

Там, куда указывала рука чародея, тоже была кирпичная арка. Подобные проходы виднелись и в других частях зала. В общей сумме Маргарита насчитала четыре двери, по одной на сторону света.

Маргарита пошла туда, куда ей было велено, попутно задавая вопросы:

— Хорошо, как скажите. А куда ведет тот туннель?

— Увидишь. Ты бывала там однажды. Лучше поведай мне, — прохрипел чародей, нога за ногу двигаясь в топь мрака, — как ты вошла в мой кабинет и миновала заклятие отвода глаз?

Маргарита не стеснялась отвечать откровенно.

— Огоньки помогли, — призналась она, но следом добавила: — Только не ругайте их! Я сама их об этом попросила...

— Хм... Так и быть.

— Кстати, мастер Дорен, я видела здесь дух ветра! Думала, он обитает в оружейной.

— Дух ветра обитает там, где ему заблагорассудится.

— Простите за прямолинейность, он в самом деле дух или вы?... Просто я читала...

Мастер Дорен собрал ее рваные мысли, как мозайку. Он криво улыбнулся, и для Маргариты это было знаком, что с ним все будет хорошо. Она не совладала с чувством и тоже разразилась улыбкой.

— У меня язык не поворачивается звать их призраками... Иногда, после смерти чародея, его магия создает отпечаток души, так называемый «призрачный след», в котором находят свое выражения сокровенные страхи и желания человека, его стремления и наиболее заметные черты характера. К сожалению или к счастью, призраки — всего-навсего отголоски жизни; их причисляют к низшим перерожденным демонам.

Мастер Дорен и Маргарита вошли в туннель. Девушка наблюдала, как фиолетовый свет настигает на чародея краски, пропитывая волосы и, в частности, белую кожу.

— В редких случаях, — поймал тот ее взгляд, — призрачный след может быть такой силы, что сохранит и образ, и личность колдуна. Так рождаются человекоподобные демоны. Но все-таки, мне больше нравится слово «духи».

— Значит, ваши тихие огоньки...

— Когда-то были живыми людьми. Конкретно мои — души детей. Они все погибли в пожаре, когда Королевскую младшую школу подожгли простолюдины.

— Какой ужас... Бедные огоньки...

— Не переживай, они мало что помнят о своей прошлой жизни. И о смерти тоже.

— А что же олень?

— Насчет его происхождения я не могу ничего утверждать. Возможно, он чей-то призрак, а может, настоящий дух ветра. Последний вариант объяснил бы, почему он является тебе.

Маргарита глупо моргнула:

— Не понимаю...

— В учебниках не всегда пишут истину. Духи стихий свободолюбивы, а сказки о том, что из них можно выдрессировать питомца сочинили впечатлительные невежды, когда-то завидевшие духа в паре с чародеем и расценившие, что первый у второго на цепи. Но, скорее уж, наоборот. Это дух избирает человека для каких-то своих нужд или потому что почувствовал в нем своего единомышленника...

— И причем тут я? Я же не чародейка...

— Духу не обязательно водить дружбу с чародеем. Справедливая девушка с Земли его вполне устроит. — Мастер Дорен многозначительно улыбнулся. — Ну что ж, вот мы и пришли.

Маргарита отвлеклась от смущающих мыслей, и ее одурманил новый ступор. В пятнах фиолетовых отсветов и мрачных теней белела старая обшарпанная дверь.

— Дверь хижины...

Глава 5. Хижина

Прошествовав внутрь хижины, мастер Дорен плотно притворил дверь и сказал:

— Спасибо, дальше я сам.

Он убрал руку с плеча Маргариты, снял мантию и по-хозяйски посадил ее на ржавый гвоздь.

Белая дверь опять привела их в ветхий одноэтажный домишко, сколоченный так криво и косо, будто наспех.

Выбиваясь из сил, мастер Дорен, ковылял вдоль прихожей. Для подстраховки он опирался на стену.

Маргариту же как к земле пригвоздило.

Преподавательская мантия переливалась дорогим атласом со стороны подкладки, она никак не сочеталась с нависшими над ней пыльными балками и бревенчатой кладкой стен.

Совладав со странными впечатлениями, Маргарита тоже разделась и поместила свой плащ рядом с мантией мастера Дорена. Он выглядел куда уместнее, бесформенно свисая посреди паутины трещин. Такое одеяние вполне мог бы носить какой-нибудь лесник.

Чародей прилег на твердую кровать за стеной прихожей. Пока тот не видел, Маргарита тихонечко приоткрыла дверь. Ей было интересно, как она устроена. Выглянешь единожды — и прокладывался путь на улицу, где теплый летний дождь алмазными каплями шуршит в траве и качает бурьяны, желтеющие под солнечными лучами. Но закрой и открой дверь второй раз, и картина совсем другая — фиолетовый сумрак вливается на порог холодной пургой.

— Ну ничего себе...

Маргарита не устояла и повторила действия — ну, чтоб наверняка удостовериться, что поняла систему этой магии.

— Хватит играть с дверью! — прикрикнул на нее мастер Дорен.

Все-таки дверь была очень скрипучей...

— Простите...

Маргарита обогнула лужу, образовавшуюся на полу под протекающей крышей, и вышла в главную комнату, которая служила одновременно столовой, кухней и спальней. В центре помещения стоял непривлекательный стол грязно-коричневого цвета без скатерти. Вокруг него были расставлены три не слишком внушающих доверия стула.

Вся домашняя утварь располагалась тесно друг к другу для экономии пространства, ведь в комнате его было в дефиците! Да спальня в родной квартире Маргариты больше, чем весь этот дом!

Ее взгляд пробежался по шкафу, печке, полкам, заставленным старой посудой — и зафиксировался на чарошее.

Мастер Дорен лежал, скрестив длинные руки на животе и довольствуясь твёрдой постелью, втиснутой изголовьем между единственным окном и стеной.

Кровать была очень большой и занимала всю южную сторону дома, без учета выхода в холл, отделенного кирпичной перегородкой, и чародею ничего не препятствовало растянуться на ней в полный рост.

— Где это мы? Чей это дом? Почему сюда ведет дверь из Академии? — сходу засыпала Маргарита его вопросами.

— Это мой дом.

Ну и как не опешить от такого ответа!

— В смысле... ваш дом? Эта... хибара?

Маргарита задействовала всю свою фантазию, чтобы представить чародея, обедающего за этим облупившимся столом. Бесполезно! Куда ни глянь — везде плесень, паутина, пыль и гни-

лые деревяшки! Все это не имело ничего общего с аристократом, разодетым в элегантный благородно-каштанового оттенка жилет, расшитый золотыми узорами. Белые как снег ткани рукавов казались чужеродными для этого места. А сапоги из высококачественной кожи, должно быть, жутко дорогие! Их вряд ли позволила бы себе купить семья Маргариты, а что говорить об отшельнике?

— Мастер Дорен, вы шутите?

— Отнюдь нет, — устало прикрыл глаза тот, поигрывая пальцами с перстнями.

— Я ни за что не поверю, что вы живете в этой хижине!

— Сейчас нет, но жил когда-то.

— Когда-то — это когда?

— Когда был моложе. — Мастер Дорен простер руку вперед, где в маленьком коридорчике, соседствующим с кладовой, белел свет квадратного окошка. — Взгляни туда.

Земля под западной частью дома осела, из-за этого половина дома провалилась, а на образовавшемся под окном холмике разжились сорняковые бурьяны. В отдалении, среди густого тумана папоротниковых растений и яркой лазури васильков, дикий пейзаж портила чудная конструкция. Большой медный диск парил в воздухе, а наискось его рассекал омытый дождем серебристый рычаг, чем-то смахивающий на стрелку часов. От центра механизма лучилась ещё одна стрелка, но меньшего размера.

— Что это? — спросила Маргарита, второпях возвращаясь в комнату. — Для чего это сооружение?

— Это «Игла Хроноса» в своем первозданном виде, — спокойно отвечал мастер Дорен. Он почувствовал, как жжет его шокированный взгляд подопечной и открыл глаза, при этом растягивая губы небрежной улыбкой.

— Игла Хроноса?! Это же... это же королевский архиартефакт, магический инструмент династии Веспероза? — Руки Маргариты сумбурно задержались, то хватаясь за лоб, то эмоционально указывая на окошко в траве. Ей было невдомек, почему мастер Дорен улыбается. — Разве архиартефакты не опасны? И... и разрешено ли вам их применять в своих целях?

— Нет, потому-то я полагаюсь на твоё молчание.

— Мастер Дорен!

Тот только посмеялся:

— Не волнуйся так. Я же говорил, что это место самое безопасное в мире. О таких вещах я не вру.

Маргарита выдвинула из-за стола стул, что находился ближе всего к кровати чародея, и присела, потому что ноги ее не слушались.

— Я не об этом волнуюсь... — произнесла она, тихо роняя звуки под нос. — Если кто-то узнает...

— Никто не узнает, — оборвал девушку чародей.

— Вы мне так доверяете?

Поигрывая пальцами с перстнями, мастер Дорен призадумался:

— Что ж... если бы не доверял, не показал бы свой дом, так ведь?

Значит, он говорил без шуток? И это... его дом?

Маргарита запрокинула голову, словно за гнилыми балками таились все разгадки.

— Дождь закончился, — подметила она, когда по козырьку перестало стучать. Это наблюдение было озвучено неспроста. — И как она работает? Ну, эта Игла Хроноса? Это как-то связано с тем, что, проходя через белую дверь, мы попадаем в одно и то же дождливое утро?

— Да. — Мастер Дорен уже не смеялся, а просто смотрел в потолок с погрузневшим лицом.

— Игла Хроноса — это магический инструмент, который создает временные петли.

— Так мы в прошлом?.. Своего рода... путешествия во времени?

— Не совсем. Это только иллюзия прошлого, вполне осязаемая, но точная лишь настолько, насколько хватает моих воспоминаний. А мой фамильяр, пространственный демон Тодороко, своей магией укрепляет за иллюзией пространство. Благодаря ему мы можем попасть в мое прошлое, как в любую другую комнату в Академии — просто отворив дверь.

Маргарита пересела в другую позу, оказавшись на стуле задом-наперед.

«Так вот на что застрачиваются силы Тодороко...»

— И почему вы выбрали именно это воспоминание? Эту хижину... это утро... Вы же были правой рукой короля! Наверняка, жили в замке!

— Откуда ты знаешь?

— А, — Маргарита конфузливо обняла спинку стула: — госпожа Акки проговорила.

Мастер Дорен беззлобно вздохнул:

— У меня была куча слуг, золота и безграничное уважение короля, но самые лучшие дни своей жизни я провел здесь, под этой прохудившейся крышей, вместе со своим учителем. Я прихожу сюда, когда мне хочется побыть наедине с прошлым, поразмыслить о чём-то. Время в этой иллюзии течет медленнее, чем в реальности, поэтому мне нет нужды торопиться. Это мой безмятежный сон, Маргарита, где я никому ничего не должен и где война от меня далеко.

Маргарита положила голову на руки и мечтательно улыбнулась:

— Сон, в который можно вернуться в любой момент... В этом... что-то есть... Хотела бы я также. — На нее резко напала тоска: по родному дому, по отцу и матери, по приятелям из школы фехтования, по упрекам Виктора Михайловича... да даже, самую малость, по Ковалевой (вернее, по их состязательной вражде!)

«Ну, хватит! — отругала она себя. — У меня есть намного более важные задачи. Некогда отдаваться хандре!»

Чтобы грусть не колола сердце, Маргарита решила отвлечься делом. Было у нее на примете одно.

— Если нам действительно не зачем торопиться, то я пока посочиняю вам речь, как и обещала, — сказала она, громыхнув стулом.

Мастер Дорен посмотрел на подопечную странным взглядом, будто та собралась вытворить какую-нибудь абсурдную глупость.

— Виктор Михайлович как-то сказал: «Побеждает тот, кто умеет вдохновляться и вдохновлять других», — назидательно процитировала Маргарита своего тренера. — Хорошая речь поможет навести порядок внутри коллектива!

— Ты же не станешь врать, что мы решили проблему?

— Конечно, нет. Враньем толпы не вдохновишь, ведь за ней всегда кроется неуверенность. Итак, у вас случаем не отыщется пера, чернил и бумаги?

Удивление в глазах мастера Дорена сменилось смешком.

— Предметы, сотворенные Иглой Хроноса, нельзя выносить из иллюзии. В следующий раз, когда ты сюда придешь, они вместе с локацией возвратятся в свое первоначальное состояние.

— Пусть так! Мне бы только мысли в голове в порядок привести!

— Тогда посмотри на антресоли, там учитель хранил свои сборники рукотворной поэзии.

— Ваш учитель писал стихи?

— Да. Вот он как раз таки был из тех, кто вдохновлял других и вдохновлялся сам, в его случае — одной необычной особой.

Маргарита залезла на стул. Не то чтобы она, вставая на цыпочки, не доставала до верхних полок без него, — антресоль была очень глубокой и доверху забитой бумагами.

Кроме стопки пожелтевших листов, на ней обнаружилось множество блокнотов в самодельных кожаных и деревянных переплетах. Маргарита взяла один из любопытства. Страницы были расписаны емким неразборчивым почерком, который с трудом переводило даже маги-

ческое поле мастера Дорена. Некоторые стихи и вовсе имитировали письмо образными штрихами и завитками — предел того, что сумела транслировать в иллюзию человеческая память. Скорее всего, с этими произведениями своего учителя чародей либо так и ни разу не ознакомился, либо просто позабыл их содержание. А все, что сохранило его воспоминание, — это наполненность страниц.

Между листами иногда попадался гербарий из цветов, и Маргарите показалось это безумно трогательным:

«Учитель мастера Дорена был романтиком».

Она захватила себе все необходимые принадлежности для письма и уселась с ними за стол, планируя позже расшифровать парочку стихов — опять же, для вдохновения.

Будто на зло, слова не складывались ни в голове, ни на бумаге. Взгляд все время цеплялся к видам за окном, к стенам, к потолку. Из-за чего Маргарита просто с ума сходила! Это ведь иллюзия, здесь все понарошку. Но почему тогда гусиное перо в ее пальцах такое реалистичное на ощупь?

Она провела ладонью по рельефу стола и зацепила занозу. Боль от нее тоже была не менее неподдельная!

Обсасывая раненый палец, Маргарита все-таки дала себе передышку, чтобы поразмыслить над тем, чего так охотно жаждал ее мозг.

— Спешить же все равно некуда... — вздохнула она, раскрыв блокнот.

*«Мне белый свет твоей улыбки
проложит путь посреди тьмы.
И я, учтя свои ошибки,
Возведу дом своей мечты.
Он в сени зеленью покрытым будет,
Расти живым в корнях дубов,
И в нем в сердцах меня полюбит
Моя крылатая любовь»*

— Красиво... — прониклась любовной лирикой Маргарита. — Может учитель мастера Дорена писал об этой хижине? Хотя... на дом мечты она не шибко смахивает...

*«Моя любовь кричит тебе чайкой,
Журчит ручьем,
Кипит огнем.
Но ты ее не замечаешь.
И так мигует день за днем,
День за днем...
День за днем... »*

От этого короткого стихотворения с его давящим повторением конечных строк, у Маргариты перекрутилось сердце в груди. Оно было написано размашисто и неаккуратно, словно действительно кричало на все лады. Уныния ему прибавляли черные слезы-кляксы, видимо, накапавшие с пера, пока творец препарировал свои чувства к возлюбленной.

Маргарита отложила блокнот и подперла щеку ладонью. Теперь она не могла мыслить ни о чем, кроме боли от неразделенной любви, излитой на страницах. Кто была эта дама? И как сложились ее отношения с учителем мастера Дорена?

Ленивая дремота утяжеляла веки.

В хижине было очень тепло и уютно, легкое бархатистое дуновение ветерка, сквозящего из приоткрытых ставней, нежно баюкало.

— Учитель! Мы сегодня снова пойдем в Фир?

Маргарита чуть со стула не упала. Говорил незнакомый ей голос ребенка.

Она открыла глаза и с ними, непроизвольно, — рот. Такова была неожиданность!

— Мастер Дорен? — испуг заставил девушку обернуться.

Чародей мирно спал на своей кровати, и под бледными веками его гулял мелкой дрожью сон.

Маргарита больше не была одинока за столом. Вместе с ней, на стульях напротив, сидели мальчик лет двенадцати и взрослый мужчина, оба одетые в приличную чистую одежду — льняные рубахи с разрезами на груди и узкие кожаные штаны из черной и выбеленной кожи соответственно. Мужчина отвечал, мечтательно перечитывая записи в блокноте (Он не отрывался от него, даже за трапезой).

— Тебе не нравятся феи?

Мальчик опустил недовольный взгляд в тарелку:

— Они шумные.

Мужчина был статный и высокий — ну прямо эльф из сказки! Но также с этим имел мужественные черты лица вроде прямого носа и широкой челюсти. Его объемный подбородок покрывала трехдневная щетина, густые волосы цвета горького шоколада не имели прически и распадалась непокорными кудрями до плеч, как у средневекового война, но никак не воздушного и грациозного сказочного героя. Высокий лоб выдавал его зрелый возраст и твердую волю. В целом, он создавал впечатление сильного и опасного человека — до тех пор, пока не обнажал улыбку. И тогда в янтаре его глаз разбегались совсем уж ребяческие искорки.

— Не шумные, а веселые!

Мальчик нахмурился.

— Какая разница?

— Просто огромная, Луис! — восклицал тот с широченной улыбкой.

Эти двое общались как ни в чем не бывало, не обращая внимания на Маргариту. Перед ней разыгрывалась часть иллюзии, сновидения о прошлом, которое сейчас, наверное, грезилося спящему мастеру Дорену.

Маргарита сразу узнала его в мальчишке. Они с ним были копиями: те же отметины на коже, те же заостренные уши, то же холодное блеклое лицо.

Что их рознило, так это глаза. У юной версии чародея они были темные, как ночь на задворках.

— Луис? — произнесла она вслух — не громко, так, будто пробовала имя на вкус.

Но мальчик услышал ее. Или так показалось? Он хмуро повернул к ней голову и замолчал, словно прочувствовав взгляд через время и пространство.

Маргарита поджала губы, задержала дыхание и чуть не задохнулась.

— Ты чего, Луис, обиделся? — спросил мужчина, гортанно хихикнув.

— Мы здесь не для того, чтобы изучать магию Фира, не так ли? Вы давно оставили вашу науку. А все потому, что влюбились в фею... А еще мое обучение...

— Ты не станешь воином, сколько бы я не тренировал тебя. Сталь закаляется в бою. Я научил тебя всему, что сам умею. Дальше дело за тобой. А вообще, сидел бы и наслаждался жизнью вдалеке от войны, пока можешь!

— Если я буду сидеть и ничего не делать, война никогда не закончится.

— С тобой или без тебя, она так и так не закончится, покуда эти глупцы не истребят самих себя! Лучше молчи и ешь! — пожурил мужчину своего ученика. — Иначе сильным точно не вырастишь. — Его щеки окропил румянец, и он, припозднившись с ответом, проворчал: — И я не влюбился в нее, а полюбил. Всей своей душой и сердцем!

Диалог повторялся:

— Какая разница?

— Огромная!

Мальчик продолжил чахнуть над тарелкой с грибным супом, а его учитель вновь уткнулся в блокнот.

Маргарита могла расслабиться. Все-таки это была иллюзия, и маленький Луис ее не видел. Она пристроила подбородок на кулак, слушая обрывки прошлого и думая о мастере Дорене.

Глава 6. Кто отведёт взгляд от правды, тому глаза застелет ложь

— Так вот он какой, центр питания магического барьера!

Пытливый ум Агаты пребывал в полном восторге от увиденного. Белый столп света раздирал тьму катакомб, словно луч исполинской звезды. Такой яркий, что смотреть больно! Мощь его выхода из резервуара питания была грандиозна. Она вздымала косы Агаты, как порыв ураганного ветра.

— Надо же! — в опасной близости рассматривала ведьмочка резервуар источника, подсвеченный фиолетовыми всполохами. — Магическая энергия вырывается в небо так стремительно, что визуально кажется белой... Удивительно! И вы в одиночку подпитываете источник своей магией?!

Мастер Дорен отвечал так, будто в его силе не было ничего сверхъестественного:

— Да, примерно раз в сутки.

Уж на что Маргарита была не просвещенной в принципах работы магии, но после афишированных Агатой сведений, даже ей стало не по себе. Мастер Дорен, которого она знает, чародей великих способностей. Он заведует целой Академией, является искусным фехтовальщиком в своих стенах и за ее пределами. Ему служат два грозных существа — демон бедствий и дракон-исполин! Но и это, получается, еще не все? Истинный потенциал его магического элемента ограничен необходимостью поддерживать защитный барьер. Нет, конечно, Маргарита и раньше это понимала, но знала ли она, сколь много ресурсов уходит на защиту Академии? И допускала ли мысль, что мастер Дорен намного более одаренный колдун, чем ей виделось все это время?

Агата, кажется, больше других осознавала, кто ее ректор на самом деле. Она вдруг вся ссутулилась и сомкнула губы, чтобы не сказать чего лишнего, — да так плотно, будто хотела зажевать их и никогда на свете не заговаривать на эту тему.

А когда мастер Дорен произнес ее имя, ведьмочка едва не выпустила дух.

— Агата Колдри. Не обладает особыми магическими талантами, но между тем получает повышенную стипендию, компенсируя успеваемость баллами в теоретической части и медицинской практике, которой хватает на оплату семестра.

Агата вжалась в плечи, до красна смущенная этим досье о себе.

— Ты действительно хорошо разбираешься в патологоанатомической процедуре? — задал мастер Дорен вопрос, наконец связующий ее нахождение здесь с тем, что от нее требовалось.

Если бы Агата отдала честь, ее было бы не отличить от солдата:

— Так точно!

— И тебя не смущает, что твоя первая серьезная практика будет проходить с телом химеры, убитой в нашей Академии?

— Никак нет!

Мастер Дорен удовлетворенно сбавил тон:

— Отлично. Рассчитываю на тебя, мисс Колдри.

— Но мастер Дорен! — воскликнула та, и сразу осеклась.

— Что такое?

— Я с удовольствием вам помогу. Я люблю свое дело, вот только... я не совсем понимаю, почему вы поручаете это мне, а не педагогам Академии или... мисс Лазур. У них больше опыта, а мисс Лазур так вообще в прошлом работала в следственном комитете.

— Да, хороший вопрос! — поддержала соседку Фина. — Не очень профессионально вам как ректору доверять расследование убийства своим ученикам.

Она, Акки, и Гнеси стояли у мастера Дорена за спиной, не разделяя жажды познания Агаты и не обладая достаточным безрассудством, чтобы тереться вокруг столпа магической энергии. Особенно после того, как мастер Дорен припугнул, чтобы они нении в коем случае не прикасались к свету во избежание травмирования конечностей.

Чародей полагал, что этот вопрос будет озвучен, но все рано был ввергнут им в неудобство. Еще бы! Ответ на него был подтверждением его плохой репутации и неприятельских отношений с преподавательским коллективом.

— К сожалению, я не могу доверять нашим педагогам, — приспустил он веки, теперь не Агате, а ему было стыдно выдерживать взгляды. — Они не поощряют моей политики относительно простолюдинов и не терпимы к ним. Предполагаемо, им будет выгоднее ложно обвинить прислугу, тем самым насолив мне. Я полагаюсь на вас в соответствии с рекомендациями Маргариты и моим доверием к ее выбору.

Маргарита, наблюдавшая за разворачивающимся диалогом ректора и чародейками, поперхнулась. И не по причине того, что ее так превознесли, а потому что:

«Это он на меня сейчас всю ответственность свалил?»

— А что по поводу тебя, Фина? — Сапог мастера Дорена скользнул по полу, с хрустом размолов каменную крошку. — Для чего ты здесь?

— Как для чего?! — подскочила та, растерявшись. — Чтобы защищать своих друзей! По вашей милости мы ввязываемся в грязное дельце, господин ректор, — осилила она вызывающий тон. — Кому-то надо стоять на страже, на случай, если враг выйдет из тени.

— Фина Роузвуд. Стихийный оборотень из титулированного клана огненных оборотней. Сильна, но совсем не умеет контролировать магию. В прошлом году устроила пожар в библиотеке. Из положительных качеств педагогами отмечены: скорость, задатки тактического мышления, умение в моменты подстраиваться под ситуации. Отрицательные черты — лень и отсутствие мотивации к обучению.

— Ну, допустим, так, — помрачнела Фина. — К чему это вы ведете?

— Как ты собралась защищать друзей, если не в ладах с собственной магией? Сила — это еще не все. Можно быть посредственным магом, но от и до знать свои лучшие стороны и побеждать тех, кто сильнее тебя.

Мастер Дорен снял с шеи ключ на веревке и вскрыл портал в оружейную на небрежный манер Чары. Он наощуп выхватил из темноты клинок и бросил его Фине.

Это был простой вариант полуторного меча, но Фина, которая в жизни не держала в руках оружие, не нашлась, как с ним обойтись. Мастер Дорен закрыл портал, и в ту же секунду в его ладони образовался изысканный обоюдоострый клинок, расцвеченный фиолетовыми оттенками магии. Чародей сделал им эффектное вращение и наступающим выпадом стал напрашиваться на бой.

— Мастер Дорен, вы с ума сошли? — попятилась от него Фина.

Акки была единого мнения с ней:

— Вот уж правда! — подбежала она к нему, хватаясь за подол мантии. — Тронулись головой, ничего не сказать! Вы еще не полностью оправились. И что это вообще за поведение такое? Леди Роузвуд не практикуется в фехтовании!

— Тогда как она планирует быть нам полезной, м?

— Дайте мне другое оружие! — воскликнула Фина, видать, смирившись, что ее хотят испытать на профпригодность телохранителя.

Мастер Дорен остановился:

— Какое оружие тебе предпочтительнее?

— Не знаю, что-нибудь... э, что-нибудь... тупое...

— Тупое? — переспросила Акки, изогнув бровь.

— Да! — бодрее отзывалась Фина. — Что-нибудь тупое и длинное вроде... вроде швабры!

— Швабры?

Мастер Дорен без шуток сказал:

— Акки, ты слышала.

Милое личико главной горничной покорежила эмоция отторжения, но, ей вопреки, она тихо исполнила приказ. Перчатка преобразовалась в швабру, которая с неохотой ушла из ее рук к мастеру Дорену.

Чародей в одно касание разъединил магический инструмент с предметом уборки: перчатка вернулась Акки, а отделившаяся из ассортимента бытовых принадлежностей швабра полетела к ногам Фины.

— Поосторожнее с ней! — взмолилась горничная, но чародейка уже отрывала ногой нижнюю часть швабры, делая себе палку. — Моя швабра!

Мастер Дорен замахнулся для атаки, заставив всех присутствующих поразевать рты.

Стук. И клинок тупой частью врезался в шест. Не просто так мастер Дорен ранее хвалил Фину за скорость — она среагировала на атаку молниеносно и отбилась своим импровизированным оружием.

Шест и клинок скрестились на миг, и Фина, проигрывая в физической силе взрослому мужчине, пригнулась с разворотом, выходя из области атаки противника. Меч свистнул у нее над головой, а древко нацелилось мастеру Дорену в ноги.

Чародей оттолкнулся от земли, шест прошел под ним, шаркнув понизу. Всплеснулись подолы мантии, и оба поменялись местами.

Агата смотрела на них во все глаза. Фина сражалась так профессионально, хотя и необычно. Ее шест проделывал в воздухе финты, отсекая доведенные до автоматизма удары опытного фехтовальщика.

Она перевернула шест древком вперед, и ее руки, хищно надувшись жилами, выстрелили импульсом, грозясь уколоть чародея. Фина ловко упреждала пируэты мастера Дорена, пытаясь пробить его оборону, намечая удары в его наиболее слабые точки. Это было настоящее искусство боя. Наверное, Маргарита единственная из всех созерцала его с упоением: не как агрессивный зов войны, а как своеобразный танец, достойный аплодисментов.

Да, красота в нашем мире частенько сожительствует со смертью. Жизнь мотылька хрупка и скоротечна, а самый ядовитый цветок в то же время и самый прекрасный.

Маргариту расстраивали эти мысли. Ну почему фехтование в этом государстве существует, чтобы убивать? Почему нельзя наслаждаться им, как наслаждаются музыкой или живописью? как это было у нее на Земле? Если бы Виктор Михайлович видел то, что видела сейчас Маргарита, он бы лишился дара речи и сотню раз пожал руки этим двоим.

Тактика ведения боя Фины перекликалась с восточными единоборствами Земли. А ведь чародейка, не считая роста, весьма и весьма схожа своей наружностью с азиатской расой.

— Ради всего святого! — вскрикнула Акки, гневно подергивая глазом. — Прекратите этот балаган!

Мастер Дорен завершил бой, поймав в воздухе шест всей пятерней. Захват был таким крепким, что как бы Фина не рвалась — выйти из него с оружием не получилось.

Она отдышалась и разжала пальцы. Мастер Дорен сопровождал ее отступление знающей улыбкой. Комментария о произошедшем никто от него так не дождался.

— И как это объяснить? — хлопала ресницами Агата. — Фина, где ты научилась так драться?

Фина побледнела, ища глазами совета у ректора, но тот таинственно безмолвствовал.

— Я не хотела, чтобы кто-то знал про искусство боя моего клана... — призналась она.

Ведьмочка выглядела недоумевающей, но сквозь пробелы ее понимания просвечивало что-то еще. Точно не восхищение, но и не ужас, который так страшилась навлечь на себя Фина.

— Но почему? С такими навыками ты могла бы поступить на боевой факультет!

— Я не хочу! — отрезала та, сморщив брови и уставившись в пол. Она попыталась звучать дальше сдержаннее: — Мой род пришел к власти путём аморальным, бесчеловечным. Клан огненных оборотней — это клан бандитов. Меня с детства обучали фехтованию на шестах и многим другим техникам, наследованным у наших потомков. Однако, мне не хотелось иметь с ними ничего общего. Факультет оборотничества позиционировал себя как направление, воспитывающее защитников. Поэтому я выбрала его. Но, по сути, оборотни — такие же убийцы. Нас спускают с цепей, как охотничьих собак, чтобы мы растерзали противника, позарившегося на границы государства или безопасность королевской семьи, людей, к ним приближенных. Убивать ради спасения других? И ради кого? Ради короля, который, вставь ему слово поперек, — и отсечет тебе голову, наплевав на твою преданность, на твою жертву человечности? Ради пресловутой мести? — Фина всмотрелась в свои руки. Будь то дрожь яростная или трусливая, она расплзалась под кожей, проросла в каждой клеточке тела, и была неконтролируема. — Я не думаю, что смогу... Ты знаешь, Агата, я не переносу одного вида крови!...

Теперь лицо Агаты удручало сожаление.

— Фина...

— Чтобы защищать других, убивать не обязательно, — выступил из темноты в свет источника мастер Дорен. — Твои умения, твоя ловкость, твое умение быстро считывать ситуацию, — их вполне достаточно, чтобы быть защитником. Маргарита в тебе не ошиблась. Стань сильнее, леди Роузвуд. И тогда за тобой будет не угнаться.

Мастер Дорен кинул Фине шест, и та беспрекословно прижала его к груди как нечто ценное.

— Мастер Дорен! — заворчала Акки, заметив симптом проступающей головной боли в нем. — О чем я вам говорила? Вы опять довели себя до изнеможения!

— Я в порядке, Акки, — беспечно улыбнулся ей чародей, проводя пальцами по лбу и отрывая сапог от пола в коротком шаге. — Раз мы со всем разобрались, пора приступить к расследованию.

— Мы еще обсудим это, — буркнула Акки, и засеменила за всеми.

Мастер Дорен направлялся к северной арке, внутри которой разметывали темноту колыхания огня.

Две из четырех дверей больше не были тайной: это дверь в ректорский кабинет на южной стороне и восточное крыло, где располагался проход в иллюзию. За дверью на Севере, с большой вероятностью, была сокрыта знаменитая оружейная. Ее обрамляли стены таких же катакомб, и освещалась она по тому же образу, что и туннельные ходы — сугубо магией мастера Дорена. Оставался один вопрос:

— Мастер Дорен, куда мы идём?

Ответ чародея был холодным, как и обозначенное им место:

— В морг.

Они еще не вошли туда, а у Маргариты уже переморозило все нутро. Она обвилась руками, и мастер Дорен, приняв это во внимание, застыл на полпути.

— Тебе нет необходимости на это смотреть, — предоставил он ей выбор, и его запястья стиснулись за спиной. — Остальных это тоже касается. Для осмотра тела мне нужна только мисс Колдри.

— Мне, конечно, неприятно будет вновь видеть прислугу-птицу мертвой, — не стеснялась своего страха Маргарита. — Но это все, что я могу сделать для нее. Сколько голову в песок не прячь, проблема от этого не исчезнет.

— Так говорил твой тренер?

— Откуда вы знаете?

Мастер Дорен издал смешок.

Что ж, пожалуй, хватит цитировать афоризмы Виктора Михайловича...

— Кто отведет взгляд от правды, тому глаза застелет ложь.

— А это слова *вашего* учителя? — предположила Маргарита.

— Нет, мои. Мой учитель не любил правду. Он всю жизнь обманывал себя.

Маргарита не могла пропустить, как меняется в лице главная горничная, как ее светлые брови опускает вниз изъеденная совестью тоска. Неужели, это из-за сказанного? Почему слова мастера Дорена об учителе ее так задевали?

Глава 7. Защита

Непроницаемое магическое поле, приостанавливающее процессы разложения тела, по мановению руки мастера Дорена — развеялось. Маргарита изо всех сил боролась с желанием отвернуться; не миновало оно и Фину Роузвуд. Чародейка не расставалась с шестом. Он хорошо послужил ей в качестве трости, на которую можно опереться, когда подводят колени. Как и Маргарита, она справилась с чувствами и узрела правду такой, какой ей должно быть — откровенную и жестокую.

Оперение химеры из когда-то золотистого превратилось практически в белое. Но это был не тот белый, что невинен и светел, он не радовал глаз, как сто раз выстиранная и выжатая грубыми руками наволочка. Несчастное, бездушное тело лежало с раскинутыми по постаменту крыльями. Впалые ребра расцветали бардовым пятном.

Сколько бы мастер Дорен не рассуждал о правде, он стал первым, кто отстранил от нее взор.

— Можешь приступить к осмотру, — сказал чародей, давая доступ к телу Агате Колдри.

— Все необходимое заготовлено для тебя на соседнем столе.

— Мне нужна только колба для забора крови и перчатки.

— Все к твоим услугам.

Агата ходила вокруг стола. Со спокойным увлечением она прощупала рану, повертела запястья химеры, изучив каждый палец в отдельности. В этом ей посодействовал фамильяр Блюм. Маленький, но преданный водяной пузырь, наконец, позволил хозяйке оценить один из его главных талантов. Он сформировался, вытянувшись внутренней частью на манер выпуклой линзы и перестроив размер своих молекул для получения чистой стекловидной поверхности. Агата смотрела через него как через линзу лупы. Она пропульпировала грудную клетку, произвела забор крови в специальную пробирку и вскоре была готова дать заключение:

— Хорошая новость состоит в том, что химеру убили весьма милостивым образом — проткнули чем-то вроде удлиненной иглы или очень тонкого штыря. Не думаю, что она сильно страдала.

Маргарите стала интересно:

— Как ее звали?

— Дария, — ответила Акки, траурно закрывая ладонью глаза химеры. — Ее звали Дария. Но на кухне она была для всех прислугой-птицей. Немногие знали ее по имени.

Агата отправила Блюма в заставку и строго заявила:

— Мне нужен доступ в химическую лабораторию, чтобы проверить кровь на наличие частиц магии. Если Дарию убил чародей, мы сможем провести сравнительную экспертизу и определить, кто и как это сделал. Но для этого придется взять образцы крови у всех: и у учащихся, и у педагогов.

— Это будет проблематично, — резюмировал мастер Дорен, шурясь в глубоком раздумье.

— Согласна, — стягивала перчатки Агата. — Потому-то нам нужно сузить круг подозреваемых лиц.

— И как это сделать? — глянула на нее Фина.

Стекла очков Агаты сверкнули, отразив морозный свет магического поля, которым мастер Дорен накрыл тело Дарии. Ведьмочка положила перчатки на стол, зацепив говорящим взглядом Маргариту:

— Стоит проверить тех, кто так или иначе взаимодействовал с химерой или имел с ней заочную связь. — Она кашлянула в кулак, чтобы отвлечь всех от своего внимания к персоне Маргариты и не выставить подругу невольной сообщницей убийцы на глазах у толпы. — Люди

не убивают без причины. Наверняка, последнее время в ее поведении наблюдалось что-то... необычное.

Это был явный намек на ранние подозрения, упавшие на Невила Фоджера, но разум Маргариты отказывался обрабатывать эту информацию.

— Агата, ты не выглядишь уверенной, — сказала Фина. — В твоём плане есть какие-то неувязки?

Ведьмочка зазвучала хмуро:

— Тест на магию будет бесполезен, если убийца простолюдин или если орудие убийства не магического типа. Кроме того, чем меньше оружие, тем меньше следов оно оставляет. Реагент может просто-напросто не сработать с малой концентрацией магии.

— Думаешь, убийца это предусмотрел?

— Возможно. Тогда мы зря потратим время, играя в его игру. — Агата насупила густые брови. — Жалко, что мы не можем обратиться к мисс Лазур. Она уникальная ведьма, способная читать кровь как открытую книгу. Она бы сразу поняла простолюдин это, чародей или химера.

«Но ведь мисс Лазур не единственная чародейка в Академии, которая читает по крови!» — вдруг посетило Маргариту озарение.

— У меня есть идея! — воскликнула она инициативно. — Агата, позволь-ка мне позаимствовать твою пробирку. — Она бесцеремонно отобрала образец крови у ведьмочки: — Тебе ведь не составит труда взять новый образец? Этот мне нужен для одного дельца!

— Что ты собралась делать?

— Пока не могу сказать! Агата, бери Фину, и иди в химическую лабораторию, как и условились. Фина!

— Эм, да?

— Будь на страже! А я пока проверю одну теорию! Госпожа Акки!

— Чего? — настороженно скривилась та.

— Вам следует привлечь к расследованию прислугу. Опросите всех о том, что они слышали и видели. Любая деталь важна! Есть вопросы?

Рука Акки взметнулась вверх:

— Да. Один. Почему это ты раздаешь приказы?

Маргарита пожала плечами:

— Мастер Дорен?

— Делай, что она сказала.

— Как скажите, господин ректор...

Гнеси избегал смотреть в сторону Акки и Маргариты — обижался на них за кражу его нагрудных часов. Чтобы не разочаровать хозяина снова и предвосхитить его желания, он сделал весь внимание и растопырился в дверях, готовый вымести всех из ректорского кабинета как мусор.

— Можете идти, — скомандовал мастер Дорен, закончив восстанавливать сорванную Маргаритой магическую печать. — Маргарита, останься на минуту. Я хочу с тобой кое-что обсудить.

Столпившиеся в дверном проеме чародейки вместе с Акки одновременно оглянулись и наострили уши.

— Как скажите... О чем вы хотите поговорить.

Мастер Дорен значаще прочистил горло, и Гнеси суетливо замахал руками.

— Да идем, мы идем, — брыкнулась от его холодных перчаток на спине главная горничная.

Гнеси вышел последним и прикрыл за собой дверь. Впрочем, закрытой она не продержалась и секунды. Шесть любопытных глаз вытаращились через щель.

— Не пихайся, Фина! — раздраженно закричала Агата, борясь с уложившимся ей на плечо локтем соседки.

— Ай!

— Ну что такое?

— Ты мне на ногу наступила.

— Сама виновата! Не будешь толкаться!

— Да тихо вы, — шикнула Акки, которая из-за своего роста оказалась придавленной двойным весом. — Не слышно ничего из-за вас.

Тихие огоньки этим утром вели себя послушно: не трещали, не пищали и не бросались ректору под руку. Даже три проказника на настольном канделябре сидели смирно и в меру светили. Когда чародей и Маргарита остались наедине, их пламенные макушки залихорадило. Призраки сгоревших в пожаре маленьких детей... Конечно, они боялись гнева ректора.

Мастер Дорен встал в закрытую позу возле стола и спросил без обиняков:

— Твоя идея связана с Чарой?

Маргарита уклончиво отвела взор, но ответила честно:

— Вы меня раскусили, — невинно улыбнулась она.

— И ты думаешь, Чара согласится тебе помочь?

— Думаю, что да!

— Вы с ней... — не верил мастер Дорен тому, что говорил, — подруги?

— Назвать нас подругами, пожалуй, будет преувеличением. Но, скажем так, мы с Чарой нашли общий язык.

Теперь лицо мастера Дорена выразило строгость, после которой преподаватели обычно начинают ругать своих учеников. Но на ректора «Антареса» это клише, судя по всему, не распространялось. Его тон остался, как и был — сухим и малоэмоциональным.

— Как у тебя это получилось?

— Ну, мне повезло, — посмеялась Маргарита, но не слишком отрадно. Все-таки проблемы, что доставила ей Чара своим компонейством, не сотрешь просто так из памяти. Если бы мастер Дорен знал, что, чаще всего, Маргарита попадала в приключения из-за безответственности Чары; если бы ему была известна вся правда о том, что Акки в тайне от него влезла в незаконное предприятие, за которое могут лишиться головы; и если бы он был в курсе, что с его порталным ключом обращаются как с игрушкой, — беднягу хватил бы инфаркт.

— Это все, что вы хотели спросить? — Поскольку мастер Дорен молчал, она развернулась: — Тогда я пойду, разыщу Чару. А вы пока запишите Тодороко речь, которую я вам готовила. Кстати, а где живет Чара?

Теневой кот уже был тут как тут, выкручивая хвостом спирали на столе мастера Дорена. Чародей подставил ему тыльную сторону руки, и тот влез на нее как ручной попугай.

Безотрывно всматриваясь в фамильяра, словно в этой неказистой кляксе, этом жалком подобии кота было что-то, достойное любования, — мастер Дорен набирался решимости.

— Постой, — окликнул он Маргариту, чья рука уже легла на дверную ручку, распугав наблюдателей на лестничной площадке. — Это еще не все. Я бы хотел... извиниться.

— За что?

— За то, что из-за моего недосмотра ты участвуешь во всем этом, вместо того, чтобы учиться. Это не правильно. Ученики не должны заниматься такими делами.

— Вопрос не в вас. Я и сама хочу докопаться до истины. — Маргарита убралась от двери, и Акки с чародейками вновь воротили на позиции свои глаза и уши. — Поверьте мне, если я чего-то не хочу, то меня ни кнутом, ни пряником делать это не заставишь. — Она вспомнила,

как гоняли ее в школе учителя, как обзывали бездарной, как орали, предрекая дурное будущее из-за троек по математике, и хмыкнула, будто смеясь над ними.

Быть может, мастер Дорен неверно растолковал этот смешок, счел его за презрение, а так как мыслей чародей читать не умел, ему подумалось, что посвящается он только ему. Его взгляд потяжелел, а лицо потемнело — того и гляди, набегут над головой тучи.

— Ты ведь тоже считаешь, что я не заслуживаю должности ректора, — неожиданно грубо процедил он.

Маргариту передернуло:

— И вовсе я так не считаю... — начала было она оправдываться, когда ей в голову прилетело осознание, что это не те слова, которые она хочет донести до мастера Дорена. Несмотря на грозный вид, мастер Дорен не разбудил в ней страх. Он был похож на недовольного ребенка, который прознал о том, что Деда Мороза не существует, а все эти годы подарки под елку клали родители.

Маргарита не сдержала улыбку:

— Хотите знать, что я в действительности думаю о вас? Однажды вы сказали мне, что вы такой, каким я вас вижу. А я вижу вас очень добрым и справедливым человеком.

— Эти качества не делают меня хорошим лидером.

Печаль в голосе мастера Дорена была явной, но Маргарита на нее улыбнулась еще ярче:

— Скажем так, есть два пути быть авторитетом: темный и светлый. Первый включает в себя методы запугивания, — загибала она пальцы, — (половина моих школьных учителей избрала этот путь). Второй путь, он тернистый и долгий. Заручаешься доверием других и с ним становишься безгранично уважаемой персоной. С вашей силой, мастер Дорен, вам бы ничего не стоило застрашать толпы, но вы этого не сделали, чем, несомненно заслужили мое уважение. Вот так и получается, что вы хороший лидер, как минимум в моих глазах. А еще, наверняка, в глазах госпожи горничной и Гнеси, ваших преданных слуг. Тот, кто вас не уважает, просто не видит всей правды или живет с извращенным мировоззрением, или просто слепец, который не в состоянии отличить белое от черного.

Маргарита замолчала. Мастеру Дорену тоже не было что ответить. В нависшей паузе витала недосказанность, она закладывала уши как вакуум, и девушка усомнилась: «Может я сказала что-то не то? Почему он все еще такой мрачный?»

— Подойди, — попросил мастер Дорен.

— Простите, если я чем-то вас оскорбила, — заранее извинилась Маргарита, несколькими нерасторопными шажками сократив расстояние между собой и чародеем.

Мастер Дорен снял одно из своих многочисленных колец на правой руке, выглядел он при этом как-то необычайно церемонно. Он не спешил объяснять свои намерения, но, по всей видимости, сейчас Маргарите предстояло принять в дар некий магический артефакт.

Известно, что мастер Дорен не использовал украшения ради эстетического удовольствия; каждая цепочка и каждый сплав металла, которые он носил на себе или на одежде, имели функциональное значение.

Чародей примерил кольцо на безымянный палец Маргариты, и оно точно подстроилось под размер. В ответ на ее недоуменный взгляд он отвечал:

— Это кольцо чувствует злые намерения. Оно защитит тебя в случае опасности.

Когда мастер Дорен это произносил, его глаза источали бесконечную доброжелательность. Былая угрюмость уступила светлым чувствам, проходящим, однако, не без волнения. Оно заразило и сердце Маргариты, из-за него ее щеки обдало румянцем.

Она принялась усердно разглядывать магический инструмент, чтобы не вспыхнуть еще выразительнее.

На вес кольцо было тонким и легким, почти невесомым. Материал похож на серебро, отполированное до такой степени, что в нем отражаются окружающие предметы. Поверхность

его обрисовывали витиеватые узоры. И хотя серьга Маргариты была хорошо заряжена, она не отзывалась на магию кольца, что заставило девушку поддаться сомнениям.

— А оно точно магическое?

— Ты мне не веришь?

— Верю, просто...

Мастер Дорен наконец-то расщедрился на озорную улыбку:

— Это не совсем привычный для всех магический инструмент. Сам по себе он содержит минимум магии.

— Тогда как же он меня защитит?

— Как я уже сказал, кольцо чувствует злые намерения. Говорят, когда человек зол, его аура выделяет во внешнее пространство волны энергии. Магический инструмент, что я тебе дарю, поглощает их и преобразует в магию. — Мастер Дорен завернул руку Маргариты в кулак и темпераментно сжал в своей. — Таким образом, чем больше зла направлено на тебя, тем сильнее твоя защита.

— Кар! — раздавалось с лестничной площадки. Это Гнеси безуспешно трудился отозвать всех от двери. Если горничных ему позволялось пинать время от времени в рамках должностного регламента (ведь документально он числился главным дворецким), то ученики были неприкосновенны.

Акки вылезла из-под Фины и Агаты, казалось бы, — к нему прямо в руки. Но ворон не стал ее трогать. Его твердый гнев размяк до жалости, поскольку даже такой черствый человек, как он, был способен на сопереживание.

— Госпожа горничная? — оторвалась от дверной щели Фи́на. — Что с вами? Вам нездоровится?

Акки жестом заставила ее замолчать и навалилась плечом на каменную стену, пугая всех своим прерывистым дыханием.

— Со мной все хорошо, — огрызнулась она, брызнув яростными искрами в глазах на приближающегося Гнеси.

Горло Акки сжимали слезы, которые она совсем не жаловала. Обрывки памяти кололи под ребрами, и привечать их в душе также не было радости.

Серая глыба камня, нагретая теплом полудня, нежащая гладкость на коже от прикосновения с ней.

Ветер, щекочущий деревья в сочной зелени...

Ластящиеся друг к другу ветки над головой...

Ослепительно блестящая гладь ручья...

Шум стремительного течения, заглушающий воркование птиц...

Проплывающие по траве тени облаков...

А еще... рука... Большая и сильная...

Рука, протягивающая черное как мгла кольцо...

«И почему... я вспоминаю об этом сейчас?»

Глава 8. Ее Высочество

Чара любила валяться в постели до обеда. Хоть обсчитайся овец — ночью сон не придет. Отчуждение от реальности ей приносил только рассвет, в нем она не чувствовала голода и потому хорошо обходилась без завтраков. В прошлой жизни слуги будили ее с первыми лучами, вламывались в комнату со своими подносами, от которых нос не воротить: усадят насили и покормят с ложечки. Ей-богу, они обходились с ней как с несмышленным ребенком!

Хоть какой-то плюс в том, чтобы коротать свои дни в Академии. От этой золотой клетки у Чары хотя бы имелся ключик, а от приставаний горничных можно было отказаться. Все-таки мастер Дорен не папочка с его удушливой заботой.

Даже в самые жаркие эпизоды лета, воздух на парящих островах — влажный, насыщенный. Здесь зелень от засухи не изнывает. И все же, с каждым утром становилось чуточку свежее — сказывалось влияние последней декады месяца, за которой сонно выжидала осень. Она еще была крохотной и слабой, сидела где-то в кроне одиночными желтеющими листьями, шелестела в гроздьях винограда, дышала зрелостью в овощах... Но Чара прекрасно чувствовала ее в своих замерзших за ночь ступнях, в одеяле, подбирающемся все выше к шее; в закрытых в дождь ставнях.

Стук в дверь этажа разбудил ее, она заворочалась, постанывая: «Отстаньте от меня со своими завтраками...»

Стук повторился, а за ним ворвался в утро крикливый голосок Маргариты:

— Чара! Чара, открой, ты мне нужна!

Чара присела на кровати и помассажировала слипающиеся глаза. По крайней мере, это была Маргарита, а не слуги. Вот только...

— Как ты узнала, где я живу? Никто не знает! — воскликнула она, бодро распахивая дверь.

Любопытный факт о Чаре — они никому никогда не являлась без мантии и, в частности, без капюшона, покрывающего волосы. Так и сейчас, чародейка предстала перед Маргаритой лохматая, босая, в ночном платье, зато в верхней одежде.

— Ты вообще на часы смотришь? Что за вид! — высказалась Маргарита, глаза на интерьер элитного этажа у Чары за спиной. А ведь даже у леди Кассандры Клариси такого нет! — Кто бы говорил! — ощерилась та саркастично. — И зачем ко мне пожаловала девочка-цветочница?

Маргарита завертелась, оглядывая свое платье. Прислуга ее форму не стирала и не гладила по понятным причинам, а уют в ученических комнатах не подразумевался в рамках техники безопасности. Пришлось вновь влезть в блекло-зеленое платье из гардероба горничных.

— Это ты про мое платье?

— Прости, прости, подавляю не занимаюсь! — высокомерно завертела Чара носом.

— А, по-моему, миленько...

— Ну да, для дочери торговца в самый раз!

Маргарита нырнула под руку Чары, всячески пытающую оградить ей проход, и вышла у неё за спиной, цокая языком в отместку на этот язвительный комментарий:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.